

Колдовские Миры

Империя Тигвердов

ТАНГО В ПУСТОТЕ

ТЕРЕЗА ТУР

Annotation

Никогда не знаешь, что ждет тебя накануне свадьбы — жаркие объятия любимого или смертельное заклятие магической метели. Никогда не знаешь, чему больше обрадуются родители: твоему возвращению на работу в Академию МВД или визиту императора, главы державы из другого мира.

А Ричард... Я не знаю, увижу ли его снова. Прощу или нет — тоже не знаю. Мое имя — Вероника Журавлева. И другого не будет. Платья в стиле ампир и романтические кудри мне не подходят.

Империя не отпускает своих подданных? Бывают исключения, когда однажды ты решаешь все забыть и начать жизнь с чистого листа. Только любовь не отпускает тех, кто раз впустил ее в свое сердце.

Тереза Тур

Танго в пустоте

— А все-таки посмотрите, как интересно выходит, Фредерик... — машина стояла в пробке на выезд из Санкт-Петербурга. И тут уж даже самый сильный маг Империи Тигвердов, Император, Повелитель и прочая, прочая, прочая... ничего поделывать не мог. Добро пожаловать в мой мир!

— Что же вам показалось интересным? — отвлекся от бумаг император и посмотрел на меня.

— Если отбросить такую лирику, как мое разбитое сердце, то получается классическая картина попытки государственного переворота.

— Мама! — закатил глаза Пашка, тоже присутствующий при этом разговоре. — Ты — невозможна!

— А я в восхищении, — улыбнулся Фредерик. — Но с чего вы пришли к подобным выводам, Вероника?

— Уголовная полиция — на этапе реорганизации. Их начальник после нападения на меня — на каторге. Следовательно, объемом работы не справляется. Получается, что уголовные элементы почувствуют слабину. Так?

— Так... — император отложил бумаги, — и с интересом посмотрел на меня.

— Генеральный прокурор — плохой ли, хороший ли — под домашним арестом в своем поместье. Идет следствие. Преемника, который бы устроил всех — нет. И за этот пост идет беспощадная грызня.

— Вам сложно представить, насколько вы правы, — поморщился повелитель.

— Почему же. Я присутствовала, когда застрелили барона Кромера. А он, кстати, не желал никого выдавать...

— Исчезновение сына для него стало ударом. Его можно было продавить. Особенно, если бы этим занялся я.

Я кивнула, соглашаясь. И продолжила рассуждать:

— Теперь, — голос все-таки дрогнул, — принц Тигверд.

— Мама, — в голосе сына прозвучала тревога.

— Все в порядке, Паша. Итак, принц Тигверд, — я говорила и говорила, делая себе с каждой фразой все большее. Слова рвались наружу с какой-то непонятной извращенной радостью. — Ненаследный принц. Бастард Императора. Самый преданный подданный. Сын, для которого служить Империи и Императору — как дышать. И мой...

У меня все же перехватило дыхание и фразу «мой жених» — я проговорить не смогла. Вместо этого сказала:

— Главнокомандующий в отставке. Может быть, как бы в отставке?

Император согласно опустил голову:

— Официально — да. Его отставка была выгодна. Во-первых, его следовало наказать за срыв. Натворил он действительно много чего. В гневе он не контролируем. Во-вторых... Ему надо было отдохнуть. Переключится. Сменить на какое-то время сферу деятельности.

— А теперь посмотрите, что получается. Ваш сын — в неадекватном состоянии. Он убежден, что мы с вами... его предали...

— Мама? — изумление в голосе Паши. — Ваше величество?

— Это была интрига, — проскрежетал император. — К стыду своему должен отметить,

что интрига успешная.

— Мам, вас подставили?

— Получается, что — да.

— И милорд Верд... Он поверил?

— Да, — я вздрогнула, вспомнив наш последний разговор. Странно, но хотя и император, и его старший сын — убеждали меня, что я была в смертельной опасности — мне не верилось. Я не могла поверить, что Ричард — пусть в гневе, пусть в остром припадке ревности — может причинить мне какой-то вред. Меня не покидала уверенность — возможно, глупая, даже иррациональная — что рядом с ним я в полной безопасности.

— Ричард поверил, — печально кивнул император и тяжело вздохнул.

— А теперь посмотрите на это с точки зрения солдат и офицеров — с которыми он прошел все компании, — продолжила говорить я, взяв себя в руки. — В армии любят милорда Верда. И что же они узнают? Вы — отняли у него невесту, сделав своей любовницей. Их главнокомандующий — исчез. И вы, император, не знаете, где он. Помимо того, что у вас нет преданного вам главнокомандующего — да и вообще, армия сейчас никому не подчинена — у вас проблемы с недовольством среди личного состава.

Я вспомнила строй солдат и офицеров перед поместьем в свете факелов, когда мы возвращались с представления во дворце — искренние радостные лица, громогласное и оглушающее, грозное и ликующее: «Бра-бра-бра!!!». Абсолютно счастливого Ричарда. Нашу ночь после этого. Рассвет, который мы встретили вместе, уже поверив, что ничто и никто не сможет нас разлучить.

Сердце на мгновение сжалось — ничего этого теперь не будет...

— Ко мне уже приходило несколько делегаций, — поморщился император. — Я наблюдал занятнейшую картину — смесь исключительной дерзости и исключительной почтительности. И как мы понимаем — именно военные — люди, на которых во многом держится трон.

— Многие из них после отставки завязаны на торговле, — я вспомнила, как бывшие сослуживцы милорда Верда озадачились платьем для свадьбы. — В том числе и драгоценными камнями. Система дорог в стране отдана им же. А как я успела заметить, чувство боевого братства для солдат и офицеров очень и очень значимо.

— Согласен. В случае недовольства военных в стране трудно будет избежать кризиса.

— Получается, что в силовых ведомствах смута. Командующего нет. Прокурора — нет, розыска преступников — нет. Остается Милфорд — и его контрразведка. Но ему можно подкинуть головной боли, активизировав *друзей* из сопредельных государств. К тому же он — близкий друг милорда Верда. И в лучшем случае, он в недоумении, почему все так получилось с вами и со мной...

— Еще есть граф Крайом — начальник моей охраны. Кстати, он занимается и внутренними врагами, — у его величества были закрыты глаза — он о чем-то напряженно размышлял.

— Если каким-то образом вывести и его из игры... Организовать покушение — или подставить. Тогда вокруг вас преданных людей из силовых ведомств не остается, Ваше Величество, — подвела я итог своим размышлениям.

— Кто-то решил устроить смену династии? — с интересом спросил император. — Ну-ну. Посмотрим.

— Я бы еще поменяла министра финансов. Либо на своего человека, либо на кого-

нибудь крайне бестолкового, — добавила я.

— Уже. В начале лета моего старого опытного министра хватил удар. Он ушел по состоянию здоровья, — нахмурился Фредерик. — На данный момент в разводит розы в поместье.

— Допускать, что все эти события — простые совпадения, думаю, не стоит, — кривовато улыбнулась я.

— А тут Ричард со своей неземной любовью, — с горечью выдохнул император. — И со своей неумемной ревностью!

— Ну, мама! — послышался восхищенный возглас моего сына, — ты — мозг!

— Действительно, — согласился с ним император Фредерик. — Мои комплименты, миледи...

— Это просто знание истории. Законы, в принципе, везде одни и те же...

Мы замолчали. Дворники жалобно скребли лобовое стекло. Машина, в которой мы ехали, была огромной. Шофер и охранник — впереди. Император — на одном из сидений, я — на другом. Пашка уставился в окно, где «хороводили снег с дождем». Надо же... В Питере — конец января. Люди уже отпраздновали Новый год — а я даже не вспомнила про любимый когда-то праздник. Забыла обо всем, околдованная нежданной, нечаянной любовью и упоительными отношениями с Ричардом. Взгляд упал на указательный палец, где все еще был помолвочный перстень с сапфиром. Фредерик взял с меня слово, что я его не сниму. Несмотря ни на что.

И все же — сказка закончилось. Надо жить дальше. И я решила вернуться назад, в свой мир, к своей обычной жизни. Где не было уютного поместья, красивых, но неудобных платьев в стиле ампир. Где отражение в зеркале не сообщало, что я прекрасная принцесса. Где еще можно было вздрагивать, услышав шаги, надеяться — на то, что это шаги Ричарда... Он войдет, улыбнется — и скажет, что все произошедшее было... недоразумением. И попросит прощения. А я улыбнусь ему в ответ — и найду в себе силы простить...

Все это было. Но все это было слишком сказочно... даже для сказки... Двенадцать часов пробили — только как-то не вовремя. Настало время превращаться в тыкву...

Тоже мне, Золушка... Так, — не ругаться, даже в мыслях — сына ругаю, а сама... У той хоть туфелька была. Хоть какая-то, но надежда. А у меня?

Что-то холодное и мокрое поползло по щеке. Быстро прижалась к ней тыльной стороной ладони. Не хватало еще, чтоб заметил сын или император. На темно-синем камне перстня предательски сверкнув, уютно устроилась слезинка. Я смахнула ее большим пальцем, ощутила гладкую, прохладную поверхность, утонула взглядом в глубокой синеве...

У меня есть перстень! Ну что, друг... Не подведешь? И тут камень подмигнул, полыхнул ярко-синим облачком, и стало так тепло, так радостно! Йо-ху, — а у меня есть волшебный перстень, — он синий-синий, он круче какого-то там стеклянного тапка тридцать четвертого размера!

Гордая Золушка отклонила предложение императора Тигверда о предоставлении поместья, дающего право на титул, и от немаленького — даже по меркам Империи, дохода.

Остаться в мире, где была уничтожена любовь... Слишком больно.

Мы с Фредериком спорили несколько дней. В результате теперь зовем друг друга по именам. Как-то получилось само собой. И я вытребовала себе разрешение вернуться.

Окончательно же решилась настоять на своем после того, как однажды услышала от Его Величества: «Вы невозможно упрямая женщина!«... Это было сказано с абсолютно теми же

интонациями, что и у сына. И тем же голосом. Когда в пылу спора он первый раз мне это заявил — я почувствовала, как в сердце словно что-то вонзилось. Закрыла глаза руками. Ушла в спальню. И сутки ни с кем не говорила.

Потом вышла — спокойная как удав — и сообщила, что ухожу. Фредерик посмотрел мне в глаза, прошипел какое-то ругательство на незнакомом языке. Затем величественно изрек, что отправляется в Петербург со мной. Проследить, как устроюсь, обеспечить безопасность, и вернуть мне мою жизнь.

Паша согласился покинуть империю. Решение было трудным. Он привык к Академии, привык к магии. Но сын пошел мне навстречу. Как будто понимал, что не могу я его оставить. И остаться — тоже не могу. Рэм же... Если бы Ричард не исчез, юный герцог вызвал бы ректора своей собственной академии на дуэль.

Я советовалась с ним, четырнадцатилетним мальчишкой. Спрашивала, что мне делать? Что делать с Пашей. Как быть с ним — наследником герцогства? Где ему безопаснее? Сошлись на том, что Паша пока отправляется со мной. А Рэм остается там, где безопаснее — в Академии.

Первым этапом в наш мир были отправлены люди графа Крайома — начальника службы безопасности императора. Разобраться с теми, кто мог вести на меня и на мальчиков охоту. И попутно объяснить заинтересованным лицам, что этого делать не стоит.

Вторым — я, Паша и Император. Все вместе отправились к родителям, чтобы организовать счастливое воссоединение семьи. Я нервничала. Все время думала о том, что мама и папа считают меня погибшей. И что за покалеченный мальчик у них появился? Они думают, что я — умерла, а этот мальчик — Паша? От этой мысли все холодело внутри...

У родителей был дом по Киевскому шоссе, немного не доезжая Гатчины. И вот мы упорно стояли в пробке. Кто-то кому-то не уступил — впереди было несколько аварий. И теперь все ползли медленно-медленно, обучаясь терпению.

Через окно автомобиля я смотрела на низкое, белесое небо. Хмурое — и родное. Я по нему скучала... Оно, в отличие от жизни в империи Тигвердов и внезапно приключившейся безумной любви — было реальным.

— Мама, — а как мы все будем объяснять бабушке и дедушке? — пробился через мои мысли голос Паши.

— Не знаю, сынок.

— Доверьтесь мне, — отозвался император. — Я в ваш мир прибыл в том числе и для этого.

Это свершилось. Мы доползли!

Кортежем из трех огромных бронированных машин перегородили узкую улочку с высокими заборами.

Калитка была заперта. Я нажала на звонок. За забором раздался злобный рык отцовской овчарки.

— Грей, — хрипло прошептала я, в горле пересохло, глаза защипало. — Греюшка, ты что?

— Мам, — он нас реально не узнает? — растерялся сын.

— Работал кто-то очень сильный, — с удовольствием потянулся император. И неожиданно чихнул.

Это было так... невозможно, что мы с Пашей одновременно хихикнули.

— Что ж я — не человек что ли, — обиделся повелитель империи Тигвердов. — У вас

тут воздух невозможный. Тяжелый. Чем пахнет?

— Бензином и гарью, наверное, — пожалала я плечами. — Трасса рядом.

— Дома лучше, — укоризненно посмотрел он на меня, намекая, от чего я отказалась.

— Фредерик, — нахмурилась я, резким злым жестом стирая слезу со щеки.

— Простите, — он взял мою руку в перчатке — и легонько приложился к ней губами.

— Грей, — раздался голос, настолько похожий на мой, что Фредерик посмотрел на меня и заулыбался. — Ты чего разошелся?

— Мама, — еле слышно сказала я и позвала, уже во весь голос. — Мамочка!

— Ника! — мама, тяжело дыша, распахнула калитку, — Ника! Живая!

Я бросилась к ней, вытирая слезы.

— Простите, — отшатнулась она. — Вы кто?

Грей безумствовал. Он припал к земле и злобно рычал. Как я поняла, пес не кидался только потому, что кто-то из свиты императора ему этого не позволял. Собаку придержали на магическом поводке.

— Позвольте, я, — Фредерик мягко, но настойчиво отодвинул меня и шагнул вперед, стряхнув перчатки на снег.

— Что вы делаете? — возмутилась мама, но император уже касался пальцами ее висков.

Прошло несколько томительных минут, на протяжении которых маг напевал на каком-то незнакомом языке.

После этого он отошел в сторону, сделав знак стоящему рядом мужчине, что работа окончена. Тот тут же достал из внутреннего кармана что-то вроде фляжки и стал поить маму содержимым. Я решила, что это лекарство, подобное тому, что рекомендовал мне Ирвин, но на всякий случай спросила — все-таки это моя мама...

Мама... Мама! Мамочка... Я вдруг осознала, как соскучилась. Как все это время не позволяла себе даже думать о родителях. Только надеялась, что когда все это наконец закончится, они меня поймут...

— Какая изумительная работа! — восхищенно сказал Фредерик, делая шаг назад. Изумительная... Тонкая, виртуозная, филигранная... Чкори...!

Император замолчал. Он задумался, и молчал так долго, что я не выдержала и прервала его задумчивость:

— Фредерик... А при чем тут...

— Чкори — народность, обладающая магией, о которой практически ничего не известно. О магической силе их артефактов ходят легенды. И если расшалившихся детей в нашем мире пугают Дасарами, то о любой неразрешимой ситуации говорят, что с этим только Чкори справятся.

— Дасары? Чкори? Ничего не понимаю...

— Вероника... Вы слишком много времени проводили в библиотеке поместья, читая о географии и военной истории Империи. Но о легендах нашего мира вам мало что известно.

— Я не наткнулась на подобную литературу... Иначе бы непременно заинтересовалась.

— Это и не удивительно. Подобных книг у Ричарда просто нет. Эта литература строго охраняется, но те экземпляры, что хранятся в моей личной библиотеке, разумеется, в полном вашем распоряжении. В любое время... — император посмотрел на меня долгим, внимательным взглядом. Как будто хотел что-то сказать, но не мог. Мне вдруг нестерпимо захотелось попасть в библиотеку дворца и перерыть там все до последнего листика, но тут я

услышала крик, и резко обернулась.

— Ника! Пашенька! — мама плакала. В ее взгляде было узнавание. И облегчение. И такая абсолютная радость — что я тоже расплакалась.

— Да придержите вы этого пса! — Фредерик рыкнул на имперском так, что даже Грэй на какое-то время замер.

Надо отметить, что с собакой император возился дольше, чем с моей мамой. Наконец он тяжело поднялся с колена, отряхнул мокрый, грязный снег. Кто-то из охранников протянул ему фляжку. Фредерик сделал несколько жадных глотков.

— Где ваш супруг, миледи Журавлева? — обратился он к маме. — И мальчик, которого вы называете Пашей? Надо снять заклятие и с них.

— Ника, — всплеснула мама руками. — Как же так... Мы же были уверены, что ты... Кому же в голову пришло!

— Я думаю, — устало сказал император, — что знаю, кто это сделал. Но я не думаю, что она хотела причинить вред. Герцогиня Рэймская просто прикрывала безопасный отход своего сына.

— Так вы утверждаете, что являетесь императором? — в голосе моего отца не было скептицизма, издевки или недоверия. Звучал лишь профессиональный интерес.

— Да, — как-то растерянно отозвался Фредерик. Чувствовалось, что, он не привык оправдываться или доказывать, что является августейшей особой.

Папа так и не смог увести императора в свой кабинет — мама не позволила, поэтому мы все находились в огромной гостиной нашего деревянного дома. Мама в свое время настояла и эта самая гостиная — в две трети первого этажа — была у нас заодно и столовой, и каминной, и кухней. А теперь еще и местом ведения переговоров. Или допросов — это уж как получится.

Мы с мамой лепили пирожки. В благодарность за возвращение меня и Паши мама была готова на многое — в том числе и на кулинарные подвиги.

Сын унесся к ноутбуку, по которому успел стосковаться. Мальчик в инвалидном кресле, который появился в доме родителей неизвестно откуда, старался делать вид, что его тут нет. Он, кстати говоря, так и не вспомнил, как его зовут на самом деле...

А папа... он с подозрением осмотрел императора Фредерика. Заявил, что им необходимо пообщаться. И мы с мамой слышали, как они... «общались».

— Как называется ваша страна? — папа привычным жестом поправил очки.

— Империя Тигвердов, — отчитался Фредерик. — Мы могущественны и сильны.

— Какие отношения связывают вас и мою дочь?

— Я — отец ее жениха, — в голосе императора появилось раздражение. — Бывшего.

— Сколько лет этому жениху?

— Сорок два.

— Как-то вы слишком молодо выглядите для человека, у которого сорокалетний сын.

— Ну, уж извините, — фыркнул Фредерик.

— Почему не состоялась свадьба?

— Это вам надо спросить у Ричарда. И у Вероники.

— Мою дочь оскорбили? — жестко спросил отец.

— Мам, уйми отца, — попросила я.

— Ага... — скривилась мама. — Папа в раж вошел. Сама его и уйми.

Я отряхнула руки — и подошла к мужчинам.

— Пап, перестань, пожалуйста. Его величество оказывает мне любезность, решая, в общем-то, не свои проблемы. Кроме того, он прибыл сюда, чтобы удостовериться в моей безопасности. И я признательна ему за заботу.

— Что произошло? — с подозрением посмотрел на императора отец.

— Мой сын поверил в обман — и разорвал помолвку. И, вместо того, чтобы праздновать свадьбу двух людей, которых я люблю... Я отвечаю здесь на ваши мало тактичные вопросы.

— Я беспокоюсь за дочь, — отрезал отец.

— Мне понятны ваши чувства, поэтому мы с вами и беседуем, — кивнул Фредерик. — Только я бы попросил вас немного успокоиться. И постараться понять — я сделаю все, чтобы ваша дочь была в безопасности. В конце концов, мы познакомились с ней в тот момент, когда она спасла жизнь моему сыну.

Отец успокоился. Беседа пошла по более мирному руслу. Фредерик рассказывал мою историю пребывания в мире Империи. Крайне усеченную историю, надо признать. И я была ему за это очень благодарна.

— Если помолвка разорвана, — обратилась ко мне тихонько мама, — то почему на тебе кольцо? Это же твой жених дарил?

— Прошу прощения, — услышал нас все-таки император, — это моя просьба. Перстень — сильный охранный амулет. Он ни к чему не обязывает Веронику — мое слово. Но пока напряженная обстановка вокруг меня и членов моей семьи — на ней должна быть защита.

— С ума сойти... Империя. Магия..., - прошептала мама. — У меня, конечно, нет причин не верить тебе или...этому...Его Величеству Фредерику. Но...

— Трудно, — согласилась я.

— Так значит, герцогиня, которая заколдовала нас, спасла тогда, двенадцать лет назад тебя и Пашу? Когда твой муж в хлам разбил машину, а врачи не могли поверить, что вы особо не пострадали? Они еще тогда все приговаривали, что это чудо какое-то...

— Да. И это чудо совершила герцогиня Реймская, мама Рэма.

— И ты потом спасла ее сына?

— Ей больше не к кому было обратиться.

— И теперь у нас еще один сын — приемный. И где он?

— В Империи, в Академии, — для него там сейчас безопаснее... Рэм с Пашей подружились. И тебе он понравится.

— В этом я не сомневаюсь. И вообще — по мне чем больше внуков — тем лучше, вот только... Что же нам теперь делать... — прошептала мама — и бросила взгляд на мальчика в инвалидном кресле, который старательно сливался с обстановкой, внимательно подслушивая.

Мама вытерла руки полотенцем и подмигнула мне. Вокруг глаз стало больше морщинок, и мне бросилось в глаза как она похудела и как будто стала ниже ростом... У меня защипало в носу, запершило в горле, но расплакаться я просто не успела, потому что услышала:

— В следующий раз, когда будешь путешествовать, — обрати свое внимание и на девочек... — и мама лебедем поплыла в кладовку за вареньем к чаю...

— Фредерик, — я подошла к мужчинам, дождавшись паузы в разговоре. — Вы можете выполнить мою просьбу?

Император поднялся и кивнул:

— Конечно. Хотя мне бы хотелось, чтобы вы попросили что-нибудь для себя.

— Вы все-таки умеете читать мои мысли, — рассмеялась я.

— Нет. Но от вас сейчас веет материнской заботой. Рэм в безопасности, Паша — наверху. Значит, остается этот мальчик.

— Вы догадливы...

Фредерик отошел от нас и занялся мальчиком в коляске.

Я обняла отца:

— Папа. Как я скучала.

— Конечно, — проворчал он. — С такими кавалерами-то.

— Перестань.

— Хотелось бы мне посмотреть на мужчину, за которого ты согласилась выйти замуж, — папа внимательно посмотрел на меня.

— Эта была очередная глупость, — прошептала я. — Просто безумие.

— Он сильно похож на Виктора? — спросил отец, привычно поморщившись, вспоминая моего первого мужа.

— Нет, — я даже рассмеялась от нелепости этого сопоставления. — Что ты!

— Тогда... Поживем — увидим, что будет дальше.

— Дальше... — усмехнулась я. — Буду просить тебя помочь выйти на работу. Обратю в Академию. Я остаюсь здесь, дома.

— Да..., - протянул отец. — Легализовать тебя будет непросто. Похороны были.

Он содрогнулся всем телом и прижал меня к себе.

— Спасибо небесам, что вернули тебя, — прошептал он.

— Папа, я не могла ей отказать. Понимаешь... Мама Рэма была в безвыходном положении. Но, честное слово, задумывая укрыться в Империи, мы и не думали, что она инсценирует нашу гибель.

— Значит, опасность была рядом, — прошептал отец.

— Я тоже не думаю, что герцогиня пошла на этот шаг без серьезных причин, хотя вам с мамой от этого не легче.

— Почему у меня все время было ощущение, что Денис знает больше, чем говорит?

Я улыбнулась, вспомнив начальника СОБРа одного из районов Санкт-Петербурга, своего бывшего студента-заочника.

— Пап, он мне жизнь спас. Он случайно узнал, что меня заказали, посоветовал бежать. Дал свою машину, обещал спрятать мою. С ним все в порядке?

— Да, — пожал плечами отец, — что ему сделается. Мог бы и предупредить.

Мы замолчали. Мама, тем временем, вытащила из духовки первый противень с пирожками.

— Вот в кого Вероника такая волшебница! — улыбнулся император Фредерик. — Она нас и дома пирожками баловала.

Я подошла к нему и спросила:

— Что с мальчиком?

Я понимала, что называть ребенка просто «мальчиком», без имени — не сильно хорошо. К тому же, он явно слышит. Но и давать ему имя сына... Тоже было как-то не правильно.

— Позвоночник перебит. Отнялось все ниже крестца, — Фредерик знакомым движением взъерошил волосы — точно так, как это делал Ричард. — Тяжело мне это делать. Не целитель... Травма у юноши застарелая — надо тщательно над ней работать. Конечно, я пришло Ирвина. Все, что возможно — будет сделано.

— Спасибо.

— Вероника, я все-таки настаиваю — как только успокоятся ваши родители... и вы сами — вернитесь.

— Ваше величество! — мой ответ прозвучал достаточно резко. — Смею напомнить, что мне не за чем возвращаться в империю.

— Мне страшно предположить, что будет с Ричардом, когда...

— Простите, ваше величество, — я перебила и присела в положенном реверансе. — Но я не желаю говорить об этом.

Фредерика передернуло.

— Пожалуй, я у вас загостился, — обратился он к моему отцу. — Насчет того, как вернуть обратно обычную жизнь вашей дочери... Можете не беспокоиться. Я отправлю людей, они озаботятся, чтобы все были уверены — ваша дочь была эти месяцы... Как вы

думаете, где лучше?

— В командировке за границей? — предположил отец.

— Отлично. Так и сделаем. Всего вам доброго. Миледи! — он ожег меня взглядом черных глаз. И ушел.

Я заметалась по дому, не зная, что делать. Догнать — и сказать, что не хотела его обидеть? Поймала изумленные взгляды родителей.

— Не спрашивайте, пожалуйста. Я не готова об этом разговаривать. Одно понимаю совершенно четко — как хорошо мне было все двенадцать лет одной...

— А я рада, что в твоей жизни кто-то появился. Пусть даже и не срослось, — отрезала мама. — А императора ты зря обидела. И пирожков не поел, бедный...

— Бедный, — фыркнула я.

— А что будет со мной? — раздался тихий голос мальчика.

— Тебе нравится с нами? — опустила я на колени перед коляской.

Мальчик фыркнул:

— Все лучше, чем в детдоме.

— Тогда давай попробуем стать семьей, — предложила я.

— Очень я вам нужен. Еще и безногий.

— У меня есть Паша. Он — фехтовальщик. У меня есть Рэм — приемный сын. Он — герцог. Теперь появился и ты. Добро пожаловать в семью.

— Как-то мне не верится...

— Ничего. У тебя будет время. Только один вопрос — как тебя зовут?

— А если я не помню? Или не хочу помнить?

— Выбери любое имя... Я думаю, что с документами проблем не будет.

— После того, как вы обошлись с этим... Фредериком, — он поморщился. — Я бы на это не надеялся.

— Если что — попросим кого-нибудь другого.

— Так вы не сдадите меня обратно?

— Вот уж за что бы я не переживал, — раздался насмешливый голос Паши. Он спускался со второго этажа. — Ты еще не знаешь матушкин любимый стишок: «Я нашла в лесу ворону — грязную, вонючую. Все равно ее не брошу. Все равно замучаю!».

— Павел, — еле сдерживая смех, скривилась я.

— Чего ты напрягся? — не обратил внимания на мое недовольство Паша — и обратился к приемшу. — Если ты о «грязной вороне» — так это я. Меня так мама называла. Теперь и тебя будет. Она у нас... своеобразная.

— Разозлишь — пострадаешь, — рыкнула я.

— Так что не печалься, брат. Она теперь и из тебя человека будет делать.

— Меня зовут Феликс, — отозвался мальчик.

— Добро пожаловать, Феликс — протянул ему руку Паша.

И Феликс осторожно пожал.

— А куда вы императора дели? — продолжил соло мой сын. — Они же фанаты выпечки с Ричардом.

— Ричард, — выдохнула я.

— Мам, прости, — с сожалением осекся Павел.

— Ничего. Я пойду, прилягу.

— А кушать? — огорчилась мама.

— Чуть позже. Пожалуйста.

Я поднималась по лестнице в свою комнату, когда услышала, как Паша говорил родителям:

— А соберите мне пирожков побольше. Я отнесу Фредерику. У меня кулон есть — с ним можно в определенные места Империи перемещаться. В том числе и во дворец. Он же о маме заботился, когда она болела...

— Мама болела?!

— Павел, — рыкнула я... Ну вот зачем лишнюю информацию родителям сливать! Они и так слишком много пережили...

Добравшись наконец до кровати я провалилась в сон, как только закрыла глаза.

Темные коридоры дворца Тигвердов. Осторожно ступая по мягкому ковру, иду туда, куда манят звуки изумительной, печальной мелодии. «Туда, туда», — будто от чьего-то тяжелого дыхания едва колышутся гардины; «иди, иди» — шепчут портреты, бесшумно открываются позолоченные двери, кланяются тени камердинеров, замороженные чарующими звуками. Удивительная музыка, — светлая и печальная. ...Дворец, затаив дыхание, ищет таинственного музыканта, в одной из своих многочисленных комнат. И вот, наконец, передо мной огромный парадный зал.

Император играет на рояле. Рядом с ним стоит женщина, — она улыбается и, уловив едва заметный кивок, — переворачивает ноты изящной рукой. Длинные, смуглые, легкие пальцы, наполовину прикрытые рукавом. Тонкая талия, перехваченная несколько раз широким поясом. Карие глаза, каштановые, с медным отливом, распущенные волосы. Никакой прически — только тонкий кожаный ободок вокруг лба. Она невероятно красива, и отчаянно мне кого-то напоминает.

Я посмотрела на Императора. Он, казалось, был захвачен мелодией. Музыка то рыдала навзрыд о потерянной любви, то тихо вздыхала о пережитом счастье, то просто таяла от нежности.

Кто эта женщина, которая так похожа на ту, что спасла меня? Ее сестра? Когда это было? Или это....

Я тихо сделала шаг назад. Еще один. И еще...

И поняла, что дворец исчез — стремительно, будто сменили декорации во время представления. И вот я уже в лесу — ночном, дремучем, заповедном. Где-то неподалеку весело мерцает, приманивая меня, яркая звездочка костра. И я поняла, кого увижу...

Подожла — и просто присела рядом. Мы не смотрели друг на друга — только на пламя костра. Как в тот вечер, когда расстались, — на пламя камина. Ричард смотрел перед собой, не замечая моего присутствия. Я проследила за его взглядом...

По ту сторону костра играли женщина и ребенок — мальчик, лет, наверное, пяти. Черноглазый, кудрявый мальчуган. Женщина... Я не верила своим глазам — та самая женщина, что была во дворце! Теперь она была в простом платье, но все с тем же поясом. Узоры, которые я не забуду никогда. Узоры, дающие жизнь... Медные волосы заплетены в две косы. Она, смеясь, взмахнула руками — и перед мальчиком появился огненный фантом жеребенка. Маленькая лошадка — не выше его пояса. Ребенок взвизгнул от восторга — и они втроем принялись бегать вокруг костра... Они совершенно не замечали нашего присутствия, и я поняла, что эта женщина и там, во дворце, — тоже меня не видела. Яркие искры уносились в черное небо, летели из-под копыт; яркие всполохи вторили им в черных

мальчишеских глазах, полных чистого, искреннего, неподдельного счастья...

Женщина и мальчик исчезли. Остались мы с Ричардом. Пахло лесом и костром. Под ногами — мягкий мох. Треск горящих сухих веток, тепло... Тепло, от которого больно. Нестерпимо больно.

Меня охватила злость... Эти двое показывают мне женщину — я ничего не понимаю... Зачем все это? Кто она? Я посмотрела на Ричарда. Зачем я здесь?

Маги... Магия... Заставить человека все забыть, заставить его за несколько минут прожить не свою жизнь, похоронить дочь... А потом за несколько минут вернуть все обратно. Срастить кости, сухожилия, нервные окончания... А душу? Слабо?

Да, — в нашем мире шпагами друг друга бьют понарошку. На фехтовальщиках — защита. Удар — не до первой крови — до первого касания. Зато верят по-настоящему! Вслепую! Без доспехов... До тех пор, пока не проткнут сердце ложью насквозь. До тех пор, пока оно не истечет кровью. А потом... Потом не маги, но воины моего мира встают — и верят снова! И снова вслепую, и снова — в кровь! Это — тоже магия. Магия сердца. У нас тоже школы, стили, направления... Магия Веры, Магия Надежды, Магия... Любви...! Я — маг своего мира, я — сильный маг, понятно?! Я творю свою магию — я верю и люблю просто так — без гарантий. И если ты потерял свою магию — то мне терять нечего, — моя магия не боится ваших кентерберийских червей!

Я поняла что сжимаю зубы так, что болят скулы, сжимаю кулаки так, что на ладонях от ногтей выступили алые капельки крови, а еще жжет запястье... Браслет был раскален до бела, но кожа не покраснела — странно... Я так задумалась, так разозлилась, что даже забыла о том, что рядом сидит Ричард.

— Ты прогнал меня, — сказала я. — Тебе стало лучше?

И ушла, не дожидаясь ответа.

Я проснулась злая как аспид. Ну, вот что за невозможные люди! Мало того, что они мне всю душу вынули — что отец, что сын. Мало того, что Ричард, взревновав, уничтожил наши чувства, наши отношения. Так и его отец... Туда же — на лирику его потянуло. И почему я так остро среагировала на его жесты? Тем более, зная, что император Фредерик, как и его сын, чувствует реакции. Они же эмоции считают. И значит, все что на меня нахлынуло в тот момент, когда он взъерошил свои чертовы волосы... Для него не секрет.

Все. Никаких мужчин — кроме сыновей. Никаких отношений — кроме приятельских. Много работы. Очень. В оставшееся время — физические упражнения. Надо восстановить абонемент в бассейн. И, пожалуй, стоит опять заняться танцами.

И — самое главное — при первой возможности потребовать, чтобы эти двое... не смели вторгаться в мои сны.

Сны... Женщина, похожая на герцогиню, с таким же поясом, как у нее. Фредерик, таинственно предлагающий мне воспользоваться его библиотекой. Маленький мальчик, огненная лошадка. И снова женщина — смуглое лицо, карие глаза, каштановые волосы с медным отливом... Волосы герцогини Реймской темнее, кожа — светлая, но такие же карие, миндалевидные глаза. Кто эта женщина? Какое она имеет отношение к герцогине?

Так, хорошо... Зайдем с другой стороны. Отношения между Империей и герцогством Реймским. Захватить его Империи ничего не стоит, но она этого не делает. Скрывает у себя Рэма. И не дружат — гномий самогон-то контрабандой! Но и не трогает, скорее наоборот — оберегает. Почему? Шерше ля фам?! Что там еще говорил император? Чкори, дасары... Так... Первое — при первой же возможности навестись в библиотеку дворца, потом... Стоп!!! Только что же решила что никаких... Но интересно же... Ладно — «Я подумаю об этом завтра»....

На этом я успокоилась. И отправилась вниз, к родителям. И умилилась. Народ пил чай с пирожками. От мамы и папы веяло счастьем и покоем. Паша и Феликс сидели рядом — и, судя по хитрым физиономиям, что-то уже задумали. Не хватало лишь Рэма. Надо будет договориться, чтобы его отпускали на выходные к нам.

Еще за столом я обнаружила знакомого целителя. Его уже кормили — он попал в цепкие заботливые руки маменьки. Мне стало неловко — сколько встречались, сколько он меня спасал — а я так и не запомнила, как его зовут.

— Добрый вечер, — поприветствовала я дружную компанию.

— Миледи, — поднялся целитель и поклонился.

— Можно вас попросить оставить церемонии для империи, — попросила я его. — Просто Вероника.

— Ирвин, — смущаясь, представился целитель. И я впервые обратила внимание на то, насколько он молод. Высокий, худой и нескладный. Взъерошенный. И явно чувствует себя не в своей тарелке.

— Мама. Папа... Этот господин — лучший целитель империи. Он просто волшебник! — представила я гостя родителям.

— Спасибо, миледи, — густо покраснел молодой человек.

— И не надо вскакивать, — уселась я за стол. — Как вам у нас?

Ирвин аккуратно вернулся обратно на стул.

— Интересно, — покачал он головой. — Необычно. Вредно для здоровья — без сомнения.

— Император Фредерик чихал от нашего воздуха, — улыгнулась я.

— У меня горло першит, — признался целитель.

— То ли дело в Империи, — поддела я его.

— Именно, — обрадовался он, не обратив внимания на подколку. — Вам по весне хорошо бы пригласить родителей в ваше поместье. Оно и от столицы недалеко. И воздух там замечательный. Сосновый лес...

И откуда такие подробные сведения? — с подозрением поинтересовалась я.

— Мы с вами соседи, — улынулся Ирвин. — Несколько лет назад и меня пожаловали. За заслуги перед тронем. Но я, в отличие от вас, был счастлив и горд.

— Может быть потому, что у вас эти самые заслуги есть?

— Миледи, — укоризненно покачал целитель головой. — Вы спасли сына императора.

— Он перед этим дал мне убежище и — получается — спас меня и сыновей. Мы — квиты, — отрезала я. — И вообще, насколько помню, я от всего отказалась...

— Простите, — окончательно смутился целитель. — Наверное, этот вопрос вам лучше выяснить у его величества.

— Хорошо, извините, — улыгнулась я. — Понятно, что вопрос не к вам.

— Его величество просил передать, что завтра пребудет милорд Милфорд.

— Зачем? — уж кого-кого, а лучшего друга Ричарда видеть мне как-то не хотелось.

— Думаю, он сам доложит.

Семья с интересом прислушивалась к нашей беседе. И только в глазах у Паши не было вопросов. Надо бы поговорить с сыном. Почему-то мне кажется, что он знает намного больше, чем я.

— Вы совсем плохо кушаете, — обратилась к Ирвину мама, кинув на меня укоризненный взгляд. Дескать, совсем заболтала гостя — а он худенький!

— Спасибо большое, я уже сыт.

— Да, мама, я тоже, — поднялась из-за стола.

— Где мы можем поговорить? — спросил у меня Ирвин.

— Думаю, в моем кабинете вам будет удобно, — вмешался в наш разговор отец.

— Феликс, как доешь — присоединяйся, — посмотрела я на мальчика.

— Можно сразу с вами? — буркнул приемыш.

Я вопросительно посмотрела на Ирвина.

— Конечно, — он с сочувствием посмотрел на мальчика. — И не переживайте так. В моем заключении нет ничего тайного. Или неприятного.

В результате, в кабинет отца отправились все присутствующие. И стоило из-за обеденного стола выбираться?

— Ситуация серьезная, но поправимая, — улынулся нам целитель. — Сходная, миледи с той, когда я срачивал вам порванные нервные окончания.

— Ника? — прошипел отец.

— Травма... — почти и не соврала я. — Погоди, пап.

— Хуже то, что травма молодого человека очень старая. Получена совсем в юном возрасте. Вам было пять лет? — обратился он к Феликсу.

— Шесть, — отозвался тот.

— Вот, — неизвестно чему обрадовался Ирвин. — Понимаете, и скелет милорда, и

мышечный корсет формировались под влиянием этой травмы.

— И ничего нельзя сделать? — убито спросил Феликс.

— Я этого не говорил, — обиделся лучший целитель Империи Тигвердов. — Я пытаюсь донести до вас и до вашей семьи, что работать придется много. И не только мне. Вылечить вас — не проблема. Срастить раздробленные кости позвоночника, зарастить повреждения спинного мозга, привести нервные окончания в норму. Даже нарастить необходимую мышечную массу на ноги. Это дело, конечно, не одного дня. Но вот будете ли вы ходить... Сможете ли полностью восстановить функции нижних конечностей. Это будет зависеть только от вас. Будет больно. Будет сложно. Это огромный труд. И от того, как вы будете работать, насколько точно готовы выполнять предписания — зависит результат.

— Что от меня требуется? — отозвался Феликс.

— Первую неделю — хорошо питаться, по часам пить укрепляющие настойки. Я пришлю массажиста. И самое главное — пока я не разрешу — не вставать с кресла. Есть вопросы?

— Почему вы назвали меня милордом? — блеснул глазами Феликс.

— Вы — сын миледи. Следовательно, милорд, — удивленно посмотрел на него целитель. — А теперь, перед тем, как отбыть, я бы хотел повторить процедуры. И затем вернемся к ним завтра.

Я поняла, что Феликс не верит ни одному слову, но при этом он улыбался — счастливо и искренне. У меня сжалось сердце.

Ирвин ушел, держа перед собой кулон из черного камня. Посреди нашей кухни возникла радужная пелена портала. Старательно делая вид что не замечаю открытых ртов и бледных лиц своих несчастных родителей, я попросила у отца мобильник. Мой остался в квартире.

— У тебя же есть номер Дениса Юрьевича? Я по памяти не помню.

Отец почему-то недовольно посмотрел на меня, но кивнул:

— Есть.

— Пап, а какая машина участвовала в аварии?

— Серая старая ауди. Твой красный пыжик так и не нашли.

— Получается — и Денис был уверен в том, что я погибла, — прошептала я. — Ауди выдал мне он.

— Слава Богу, что все закончилось, — пробормотал отец. — Ты знаешь, я готов поверить во всю эту чушь с магами, императорами, целителями, поместьями и милордами. Мне все равно. Лишь бы ты была жива.

— Почему же чушь? — улыбнулась я ему. — Тебе еще в субботу с самым настоящим герцогом знакомиться. Если он ничего не натворит, и его отпустят на выходные в увольнительную.

— Сумасшедший дом, — рассмеялся папа. — Но я счастлив!

Все-таки руки у меня дрогнули перед тем, как я нажала на телефоне последнюю кнопку.

— Да, Евгений Николаевич, — тут же снял трубку Денис. — Новости?

— Новости, Денис. Я вернулась.

— Жива... — выдохнул он. И заорал. — Ника! Зараза!! Я чуть с ума не сошел... Жива!

— Спасибо тебе, — вытерла я слезы.

— Я завтра подъеду. Поговорим.

— Идет. Буду ждать.

А утро началось с визита милорда Милфорда, главы контрразведки Империи и лучшего друга Ричарда.

— Миледи, — склонился он передо мной. Получилось выразительно. Презрение исполнено было на редкость удачно. Куда там молодому графу Тробрриджу — совсем другой класс исполнения. Да и герцогу Борнмуту было далеко до Милфорда. Прежде всего потому, что начальник контрразведки был искренен в своем негодовании.

— Милорд, — насмешливо ответила я и чуть ему поклонилась. — Чем обязана?

— Приказ императора.

— Какого рода?

— Его величество обратил внимание, что вы, миледи, совсем не умеете использовать силу тех артефактов, что на вас надеты. И он распорядился вас научить. И для этих целей выбрал меня.

Голос милорда Милфорда звенел. Наверное, он был польщен той степенью доверия, что продемонстрировал ему император.

Я же... скривилась. Видимо, именно так и проявляется чувство юмора у венценосных особ? Негодующего друга Ричарда он ко мне заслал зачем?

Между тем, Милфорд огляделся и спросил — ядовито так:

— Честно говоря, я в растерянности, встретив вас здесь, а не во дворце. Что же вас привело в свой мир? Его величество уже отослало?

Что тут скажешь... Я посмотрела внимательно на милорда. И вдруг поняла, зачем Фредерик отправил ко мне именно его. Император хотел, чтобы начальник контрразведки понял, что мы Ричарда не предавали. А самому беседовать с милордом Милфордом... И не по чину императору оправдываться. Да и не факт, что друг Ричарда ему поверит. Император как маг сильнее — значит, прочитать — правду он говорит или нет — Милфорд не сможет. А — как я выяснила на примере Ричарда — если сильный маг не может понять для себя однозначно — правду ему говорят или нет — то он считает априори, что ему лгут.

— Что же вы молчите, миледи? — презрения в голосе милорда прибавилось. — Солгать вы мне не можете, я вашу ложь распознаю... А правду сказать стыдно?

Мои родители и Феликс, хоть и не знали имперского — а все пассажи были исполнены именно на этом языке — напряглись. Что уж говорить о сыне.

— Папа, не смей, — краем глаза я увидела, как он поднимается. Выражение его лица было точно такое, как у Рэма, когда тот решал, что мою честь надо защищать. Срочно. — Милорд Милфорд. Нам надо поговорить.

— О чем же, миледи, нам разговаривать?

— О том, что вы задолжали мне извинения за ваши экзерсисы, — отрезала я. — Папа, принеси мне кошелек из саквояжа, я прогуляюсь до магазинчика. Милорд составит мне компанию.

Сын недовольно дернулся, но пошел выполнять приказ.

— Его величество распорядился вам передать. — Милфорд кинул на обеденный стол пухлый конверт.

— Благодарю, милорд, — холодно отозвалась я — достал уже, право слово.

— Служу Империи, — рявкнул он, вытягиваясь по стойке смирно.

Я одарила его злобным взглядом — и отправилась смотреть, что же передал Император. Документы на поместье — вот невозможно упрямый! Фредерик Тигверд! Теперь я графиня... Вот кто его просил! Пластиковая карточка — это уже из нашего мира. Слов нет —

одна ругань. Вот за кого он меня принимает! Документы на Феликса Журавлева — моего приемного сына. Это спасибо. Листок с моей биографией за эти месяцы, где я там была? Во Вьетнаме? Преподавала в университете города Ханой?.. Где же еще могла понадобиться преподавательница по истории России. Ладно — и на этом спасибо. Загранпаспорта — мой и Паши. Документы о съеме квартиры, даже фотографии. Красота!

А это что?.. В отдельном конверте находился листок бумаги, исписанный крупным, резким подчерком.

Вероника.

Спасибо вам. За то, что вы есть. За то, что вы такая — какая есть. Я прошу вас — не исчезайте и не прекращайте нашего общения. Я постараюсь больше не поднимать вопрос о ваших взаимоотношениях с Ричардом, но — как вы понимаете, мне трудно удержаться.

P. S. Не надо на меня злиться ни за карточку с деньгами, ни за поместье. И спорить со мной тоже не надо. Я Император — и имею право на любую блажь.

P.P.S. И большое спасибо за вчерашние пирожки, которые передал мастер Пауль Рэ.

Фредерик

Я читала письмо — и ловила на себе неприязненные взгляды милорда Милфорда.

— Что с вами случилось, милорд? — обратилась я к нему. — Вы с утра какой-то нервный...

— Это недостойно меня, носить вам любовные записки от... Императора! — зарычал он. — Это унижительно!!

— Доченька, а ты уверена, что тебе стоит оставаться с этим... господином наедине? — осторожно спросила мама.

Я оглядела милорда Милфорда. Высокий, широкоплечий, черноволосый. Дышащий негодованием и презрением... Карие глаза так и полыхают. Однако до алого пламени — как у Ричарда — далеко...

— Что же вы, милорд? — насмешливо посмотрела я на него. — Ответьте, пожалуйста, моей маме. Вы же прекрасно знаете русский.

— Миледи со мной в полной безопасности, — звенящим голосом ответил начальник контрразведки по-русски.

— Вот вчерашние имперцы мне странными не показались. И опасными. А что касается вас, молодой человек... — недоверчиво протянула мама.

— Пойдемте, милорд, — решила я проявить милосердие — и спасти Милфорда от мамы. А то она может призвать папу — совсем не хорошо будет...

Мы неспешно пошли по нашей улочке между высокими заборами. Шли и молчали. Так и дошли до магазинчика. Я зашла, купила яблочный сок и сигареты. Вышли, я закурила.

Начальник контрразведки смотрел на это действие, вытаращив глаза. Даже гнев ушел — осталось дикое изумление.

— Вы лучший друг Ричарда, — развернулась я к милорду Милфорду и уставилась ему прямо в глаза. Мне показалось — или где-то на дне зрачка плескалась синева.

— Так точно, миледи.

— Вы не друг мне — я это поняла... Но нам придется общаться какое-то время. И я не хочу намеков, издевательств и прочих проявлений вашего отношения ко мне. Особенно в присутствии моих родных. Поэтому говорю прямо — а вы слушайте. Я не любовница императора Тигверда. Между нами нет связи сейчас. И не было в прошлом. Я любила Ричарда. И была ему верна.

В молчании я докурила. Открыла сок.

— Надеюсь, вы не станете утверждать, что я вам солгала.

Он все еще молчал. Потом сказал, как-то странно запинаясь:

— Неправдой является лишь то, что вы употребили слово «любила»... Вы и сейчас любите Ре...

Что я могла ему ответить — только прошипеть в ответ:

— Я работаю над этим вопросом.

Он покачал головой. А я спросила:

— Еще есть какие-то вопросы, милорд?

— Тогда... — Милфорд выглядел опешившим. — Не понимаю. Как получилось с Ричардом?

— Я и сама не понимаю. Знаю только, что он перестал чувствовать, где правда — где ложь. А поверить мне на слово — не смог. Ему тут же доложили, что я ему лгала и предоставили доказательства. В том числе моей неверности. И участия в этом... действе его отца.

— Но... Вы же переехали во дворец, когда свадьба расстроилась. Зачем, если вы не...

— Ричард выгнал меня из дома — и на меня тут же было совершено покушение — я попала в магическую метель. Его величество вытащил меня из пространственного кармана, потом не дал умереть. А Паша звал. Вдвоем они меня вытащили.

— Что? Все это время при дворе... Когда его величество был с вами...

— Я была при смерти.

— Простите, — склонил он голову. — Я был не прав.

— Есть такое...

Снова повисло молчание.

— Кстати, я не думал, что вы курите, — сказал вдруг Милфорд.

— Я и не курила. Лет уж десять как.

— Что же вас подвигло?

— «Дым сигареты навевает что-то — одна затяжка — веселее думы...» — промурлыкала я.

— Миледи, зачем?

— Обещала, — буркнула я. — Ричарду, когда мы расставались.

— С ума сойти...

— Забейте, — ответила я ему фразой Паши. Я, конечно, ругаюсь на сына за его выражения, но иногда молодежный жаргон незаменим.

Рядом с нами резко затормозил знакомый мне УАЗ-патриот.

— Ника! — радостно заорал Денис, выскакивая из машины и подхватывая меня на руки. — Ника!!! Живая!

Я хохотала и отбивалась.

— Пусти, сумасшедший!

— Я самый счастливый человек на свете. У меня есть невеста! А теперь еще и ты

нашлась!

Он, наконец, вернул меня на землю, подскочил к машине и стал извлекать с переднего сидения какую-то женщину, которая изо всех сил пыталась слиться с обстановкой.

— Луиза, позволь представить тебе моего хорошего друга — Веронику!

— Луиза..., - потерянно отозвалась я.

Баронесса Кромер, не сводя наполненных ужасом глаз с милорда Милфорда, вскрикнула и потеряла сознание.

Денис успел подхватить ее на руки.

Я громко и с чувством вспомнила женщину очень легкого поведения. И обратилась к бывшему студенту:

— Ты зачем баронессу сюда притащил?!

— Кого? — изумился Денис.

Я перевела взгляд на Милфорда. Увидела сожаление на его лице. И взмолилась:

— Милорд, пожалуйста. Не надо. Дайте им уйти.

— Простите, миледи... Но баронесса Кромер — разыскиваемая преступница. И приговор не отменен. Я ничего не могу поделать.

— Но вам же прекрасно известны обстоятельства дела... И вы знаете, что Ричард верит в ее невиновность. Милфорд, вы же знаете — ее просто убьют. Ни за что.

— Как убьют? — взъярился Денис. — Да я сам всех поубиваю! Что происходит? Луиза! Ника!

— Кто может принять решение? — быстро спросила я милорда Милфорда.

Он пожал плечами — я не хуже его понимала, в чьей это компетенции.

— Пожалуйста, дайте мне время. Не тащите ее в империю, пожалуйста. А мне срочно надо к его величеству. Срочно!

И я вдруг поняла, что куда-то проваливаюсь. Мелькнуло недоумевающее лицо Дениса, губы Милфорда, сложенные в крик: «Нет!». Запрокинутая, как у мертвой, голова Луизы. И все исчезло.

— И все-таки информации мало для того, чтобы утверждать, что в империи Тигвердов зреет заговор. Все больше домыслы, — услышала я, приходя в себя.

Я только успела вздохнуть — и кругом начался хаос. Кто-то требовал стражу, кто-то кричал о том, что защитный купол дворца пробит. Кто-то «саданул» по мне каким-то заклинанием. Я это поняла, потому что вокруг меня замерцал защитный кокон. Во всем этом безобразии я нашла знакомый взгляд черных глаз — и склонилась в придворном реверансе.

— Ваше величество, прошу прощения.

И только потом сообразила, в каком виде явилась. Уходя на прогулку с Милфордом, я оделась... простенько так. Для похода в магазин на даче. Джинсы. Свитер. Яркие угги. Шапка взаимоисключающих цветов с огромным помпоном — то ли у мамы был порыв креатива, то ли она просто психанула. Я лично это ее творение любила, но на неподготовленного зрителя она производила сильное впечатление. И старый пуховик неопределенного цвета.

На фоне роскоши императорского дворца это все смотрелось... особенно выразительно.

Я огляделась из-под шапки. Император Фредерик в окружении сановников — все, как один с непростыми, значимыми лицами. Все, как один, готовы служить империи.

— Оставьте, милорды, — прозвучал среди всей этой суеты скучающий голос императора Тигверда. — Это не нападение. Это миледи Вероника.

Стражники остановились в полушаге от меня. Заклинания тоже прекратили стучать в кокон. Все замерли — и уставились на мою персону.

Вот не везет сегодня — так не везет. Я как раз успела подумать, что достопочтимые милорды никогда не видели меня... Нет, когда я надену платье-ночнушку — как у всех, они вряд ли смогут опознать в приличной даме то чучело, что переминалось сейчас с ноги на ногу посреди парадной залы. Но его величество... Сдал он меня...

— Вы несказанно украсили собой совещание кабинета министров, миледи Вероника...

Как же хочется залезть под стол...

— Рада угодить вам, ваше величество, — ответила я. И улыбнулась. А что еще остается делать? — Если возможно, я бы хотела с вами переговорить.

— Для вас, — иронично откликнулся его величество, — все, что угодно. Милорды, перерыв. Прошу, миледи. Я думаю, в моем кабинете нам удастся поговорить спокойно.

Повинуясь приглашающему жесту императора, я пошла за ним. Перед нами лакеи с поклоном открыли дверь. Мы прошли насквозь через богато обставленные помещения. Зашли в приемную. Молодой человек, явно скучавший за массивным столом, торопливо вскочил. Его лицо выражало нескрываемое изумление — видимо, императора здесь не ждали.

— Все потом, Карл, — император сам распахнул передо мной дверь, пропустил вперед и, пройдя следом, тщательно закрыл за собой. И только после этого зашелся в хохоте.

А я что? Мне было не жалко. Видок тот еще... Действительно изумительный. Стало жарко. Я стянула шапку, расстегнула пуховик.

— Смейтесь, смейтесь, — проворчала я. — Если мне надоест в моем мире, я вернусь к вам. И устраююсь работать шутком во дворец.

— Ох, — простонал, вытирая заслезившиеся глаза, император. — Это было лучшее

совещание кабинета министров в моей жизни.

Пока его величество изволили веселиться — я огляделась. На фоне богатых, роскошно обставленных комнат дворца, личный кабинет самого императора выглядел удивительно просто, даже аскетично. Строгая, элегантная гамма серебристо-серого и черного. Светло, просторно, — ничего лишнего, никаких украшений. Лишь нарядное алое пламя камина да трогательный пейзаж в простой раме над ним. Серый гранит мрачных стен неприступного замка, утопающий в розовато-белоснежной нежности цветущих яблонь...

Я невольно залюбовалась картиной. Задумалась о том, почему Фредерик выбрал именно эту работу, и почему она ему так нравится. Может быть потому, что... Тут я вспомнила, что дело срочное. И Милфорд может потерять терпение.

— Теперь вы нахмурились... — раздался голос Фредерика. — Я надеюсь, вы не обиделись?

Отрицательно покачала головой.

— Вы перенеслись не потому, что вам грозила опасность? — внезапно став серьезным, спросил император.

— Нет, ваше величество. Со мной все хорошо.

— Вы после вчерашнего отказываетесь называть меня по имени? — нахмурился он. — Неужели вы перенесли неприязнь, которую испытываете к моему глупцу-сыну, на меня?

— Нет. Просто... Мне грустно, что чудес не бывает. Даже в другом мире, где существует магия, ревнуют прекрасные принцы и сердятся справедливые императоры.

Я улыбнулась.

— Мое восхищение вами лишь усилилось, — печально проговорил император. — Действительно, жаль. Итак, что же привело вас ко мне?

— Да еще и в таком виде, — проворчала я.

— Вы — прекрасны, — особенно в таком виде...

Фредерик по-отечески вскинул брови и хитро улыбнулся. Вот черт... Я же забыла, что по их нормам — распущенные волосы — это для спальни.

— Простите. Я не буду ставить вас в неловкое положение. Присядьте и расскажите, наконец, что случилось.

Стянула пуховик, уронила его на пол, уселась и посмотрела на императора в замешательстве, не зная, как начать.

— Вы опять пришли просить не за себя? Говорите уже, Вероника... Я все-таки правитель империи, и у меня много дел. Взять хотя бы совещание, которое вы столь эффектно прервали. Разговоров в будуарах хватит на месяц вперед!

Фредерик опять захохотал — надо было кончать с этим, поэтому я взяла себя в руки и заговорила — будь что будет, дальше тянуть нельзя.

— Мне неловко. Но ситуация безвыходная.

— Решительнее. Вам разрешено пользоваться нашим знакомством.

— Мы с милордом Милфордом столкнулись с баронессой Кромер, — быстро сказала я.

— И что же?

— Милорд Милфорд намерен ее арестовать.

— Это его долг, — безразлично пожал плечами император. — И что вам до этого?

— Она же ни в чем не виновата, — с горячностью заявила я.

— Это не доказано, — не согласился со мной император.

— Мне об этом сообщил муж баронессы перед смертью.

— Ваше свидетельство, конечно, может сыграть свою роль в ее судьбе, однако ее побег скорее говорит об обратном.

— Милорд Верд так не считал.

— Принц Тигверд, под влиянием своей симпатии к этой женщине, препятствовал правосудию, — голос императора с каждой фразой становился все холоднее и холоднее. Пока не стал обжигающе ледяным. — Простите, Вероника, я ничего не могу сделать. Если вы готовы давать показания — вы имеете на это право. На большее вы рассчитывать не можете.

— Я понимаю, ваше величество, — склонила я голову, чтобы он не видел моих слез.

— Вероника, — раздосадовано вздохнул император. — Это запрещенный прием.

— Прощу прощения. Мне пора, — я схватила пуховик с пола, вскочила.

— Стойте, — остановил меня голос императора около самой двери. — Вернитесь и сядьте.

Он устало закрыл глаза обеими руками — как будто не спал несколько суток. Возможно, впрочем, так оно и было. Внезапно мне стало стыдно... Я веду себя так, как будто одна я страдаю... Врываюсь к усталому человеку. Веду себя так, как будто у него других дел нет. Требую немедленной отмены суда и помилования. А, между прочим, каждый раз, когда он меня видит, он думает о любимом сыне. И ему наверняка очень больно.

— Дайте мне подумать... — император встал, подошел к камину.

Я замерла, ожидая его решения... Фредерик долго смотрел на огонь. Мне показалось — целую вечность. И, наконец, он проговорил:

— У меня две просьбы в ответ на вашу.

— Я вся во внимании, ваше величество, — беседовать с его спиной было как-то нервно.

— Первая просьба — в неофициальной обстановке я по-прежнему Фредерик.

— Договорились, Фредерик.

— Замечательно. Вторая просьба, — он замялся.

— Слушаю вас внимательно...

— Когда мой сын узнает правду, а рано или поздно это обязательно произойдет, мне бы хотелось, чтобы вы с ним поговорили.

— Ваше величество?!

— Возвращаемся к просьбе номер один, — насмешливо протянул император.

— Фредерик...

— Вы выполняете мои просьбы — я ваши. По-моему, все честно. Или жизнь баронессы не стоит разговора с вашим женихом?

— Бывшим, — поправила я. Но... Я согласна.

— Заметьте, я не прошу его простить. Или понять. Или дать шанс. Я просто прошу поговорить. Выслушать.

— Договорились.

— А теперь — пойдете, — он позвонил в колокольчик.

— Куда?

— Беседовать с баронессой. Верхнюю одежду, — приказал он заглянувшему в кабинет секретарю. Тот склонился — и исчез.

— У вас холоднее зимой, чем в Империи, — обратился Фредерик уже ко мне.

Я улыбнулась. И кое-что вспомнила:

— Кстати говоря, что там с поместьем?

— А что с поместьем? — удивился император. — Оно у вас есть. И вы — графиня.

— Фредерик...

— И не спорьте с вашим императором.

Я покачала головой.

— Скажите, что не будете оспаривать мои приказы, — приказали мне.

— Не буду, — с улыбкой сказала я.

— Я очень хочу, чтобы вы остались в империи Тигвердов. Можете считать это моей прихотью. А моим прихотям положено потакать.

Вошел слуга, поклонился, подал повелителю пальто.

— А как вы сюда попали? — вдруг спросил император.

— Сама не знаю. Просто мне показалось жизненно необходимым увидеть вас. И... дальше я не помню, что произошло.

— Это перстень. Он среагировал на вашу команду.

— Интересно. Но я ему не приказывала.

— Ощущение того, что для вас это жизненно необходимо... Запомните его. И если вашей жизни будет грозить опасность — используйте.

Перед нами вспыхнула радуга портала.

— Пойдемте, — приказал император.

— А кабинет министров? — вспомнила я.

— Пустое... — махнул рукой Фредерик. — Они все равно не поверили в ваши выкладки. Говорят — Империя незыблема. Но мы-то с вами знаем, как много надо работать, чтобы это было именно так...

И мы шагнули в немую сцену: растревоженный милорд Милфорд, смертельно бледная баронесса Кромер и злобный Денис Юрьевич посреди нашей гостиной..

— Добрый день, — поприветствовал их император.

Милорд Милфорд и баронесса мгновенно оказались на ногах и склонились в церемонных поклонах. Денис подумал — и тоже поднялся.

— Баронесса Кромер, чтобы не томить вас... Я согласился с доводами принца Тигверда, моего сына, и миледи Вероники, его невесты. Вы не имеете отношения к покушению. Поэтому ответите на некоторые мои вопросы в присутствии милорда Милфорда. От вас требуются искренность и готовность служить Империи. Этого будет достаточно.

— Ваше величество! — у баронессы подогнулись колени — и она бы рухнула, не подхвати ее Денис.

— Вероника, что происходит? — закричал он мне. Действительно, говорили на имперском — поэтому Денис беспокоился и недоумевал.

— Все хорошо. Все потом, — быстро сказала я.

— Представьте нас, пожалуйста, — сказал император по-русски, разглядывая мускулистые руки, на которых изящно повисла баронесса..

Я тоже наконец обратила внимание на влюбленную пару. Луиза хоть и была бледна и бездыханна, но выглядела при этом совершенно очаровательно. В нашем мире она умудрилась подобрать одежду, которая была ей привычна. Длинная серая юбка, укороченное пальто в тон, с завышенной линией талии и черным воротничком. Волосы убраны на современный манер, «ракушкой», но шпильки с жемчужинами явно были имперские. Огромный Денис возвышался над ней как скала. Надо же... Я раньше никогда не задумывалась — есть ли у Дениса женщина. Он никогда не говорил о своей личной жизни, а я не спрашивала. И вдруг так сильно захотелось сделать все, что в моих силах — лишь бы они

были счастливы! Пусть хоть кто-нибудь будет счастлив... И станет чуть-чуть светлее и теплее вокруг...

— Ваше величество, — заговорила я, — позвольте вам представить Дениса Юрьевича Брауна, командира СОБРа. Моего студента и друга.

— Странно, — нахмурился Фредерик. — Я всегда считал, что студенты должны быть моложе своего преподавателя.

— У нас в стране есть студенты-заочники, — улыбнулась я. — Взрослые люди, которым понадобилось высшее образование. Они и работают, и учатся. Поэтому с возрастом преподавателя может получиться казус — как в нашем случае.

— Погодите-ка, это тот самый Денис, про которого вы говорили нам с Рэ? Это он спас жизнь вам и мальчикам? — внезапно встрял в представление милорд Милфорд.

— Что?! — теперь в глазах Императора был неподдельный интерес.

— Я ничего не сделал. Только предупредил, — Денис смутился так, что даже не отреагировал на то, что его представили Императору.

— СОБР — что это? Какое-то подразделение по линии министерства Внутренних дел? — поинтересовался Император.

— Специальный отряд быстрого реагирования, — отчитался Денис. — Специализируемся против вооруженного противника в условиях города. Вообще, большого количества людей.

— Значит, и против уголовных элементов работу организовать сможете? — хищно полюбопытствовал Фредерик.

— В смысле — отстрелять или отловить? — растерялся Денис.

— В смысле организовать работу Уголовной полиции. А уж отстреливать или отлавливать — решите сами, по обстоятельствам. Хотя, империи уголовные элементы нужны, скорее, живыми — рудников у нас много.

— Никогда не рассматривал себя в роли начальника Уголовного розыска... — опешил Денис.

— Я вдруг подумал, что нам нужен взгляд человека со стороны, — задумчиво проговорил император.

— Зачем? — спросил у него Денис.

— Вы понимаете, работу надо организовать таким образом, чтобы ее одобряла миледи Вероника.

— Ваше Величество, — осуждающе сказала я. Меня чуть не убили в его Уголовной полиции — а он развлекается!

— Что вас возмущает? Я вполне серьезно.

Денис стоял с открытым ртом. По-моему, еще несколько фраз и он отправится сдаваться в психушку. И нас всех, как сознательный гражданин — сдаст.

— Давайте мы сделаем так... — продолжил император. — Баронесса любезно предоставит вам информацию о том, что происходит на самом деле. Расскажет о нашем мире, об империи Тигвердов. Потом полученную информацию дополнит миледи Вероника. Пока вы будете вникать, милорд Милфорд соберет на вас досье — а я с ним ознакомлюсь. И если меня все будет устраивать, то я предложу вам работу. Миледи Вероника, где мы можем побеседовать с баронессой?

— В кабинете отца, — отозвалась я. — Пойдемте, я провожу.

Когда я вернулась, Денис поднял на меня ошалевшие глаза:

— Ника, что происходит? Ты где была все это время?

— Ой, Денис, тут без ста граммов не расскажешь.

— Давай. Хотя, походу, мне надо больше...

— Поддерживаю.

Я изыскала бутылку коньяка, налила себе и бывшему студенту. Мы чокнулись и выпили. На тост сил уже не было.

— Слушай, — спросила я у Дениса, который все еще пребывал в ступоре. — Ты чего Луизу вообще ко мне притащил? Она же скрывается. И мне знать, где именно, вообще не положено. А тут еще и Милфорд заявился...

— Да я не знал, что вы знакомы... Она не сказала.

— Твою нехорошо! — пробурчала я. И мы еще выпили. — А она чего ко мне сунулась? Она же мое имя знать должна!

— Так я не сказал, куда мы едем!

— Ну, вы даете! Парочка!

— Так я не понял, седой — это кто?

— Это, Денис, император Фредерик Тигверд.

— Ты что, с ролевиками связалась?

Я хохотала так, что потом долго вытирала слезы. Выпила. Подумала. Выпила еще. И только потом сказала:

— Конечно, с ролевиками, Денис. С кем же еще. Боюсь только, что теперь и ты с этими ролевиками связался.

Когда император, милорд Милфорд и баронесса Кромер вышли из отцовского кабинета, мы с Денисом были изрядно поддатыми. И что — что времени было мало? Не больше часа? Зато мы старались. Да и остатки яблочного сока, который кто-то любезно принес с собой от магазина, где я исчезла — пригодились. А то, что бутылка была одна — так у Дениса в машине и вторая нашлась.

— Как у вас весело... — печально протянул его величество. — А у меня совещание...

— Они все равно не поверили моим доводам о готовящемся дворцовом перевороте... — пожалала я плечами, поднялась, достала с полки еще три бокала. Денис разлил коньяк. И раздал народу. — И что в ваших совещаниях толку...

— Справедливо, — улыбнулся император Тигверд.

— Не гномий самогон, конечно, — проворчала я. И выпила свою порцию, не дожидаясь остальных. — Денис, повторишь?

— Слушаюсь! — улыбнулся он мне, и налил еще.

Имперцы смотрели в свои бокалы. Император о чем-то раздумывал, а остальные ждали от него отмашки.

— Если что — у отца в кабинете есть еще, — кивнула я на практически допитую бутылку.

— Да и я в машине не одну вожу, — обижено посмотрел на меня бывший студент. — Мало ли что.

Баронесса Кромер глядела на меня в каком-то священном ужасе.

— А вам как наш мир, Луиза? — решила начать я светскую беседу.

— Я здесь счастлива, — тихо ответила она.

— Как Алан? — спросила я о ее сыне.

— В школе, — чуть улыбнулась она. — На удивление хорошо общается с одноклассниками.

Император тяжело вздохнул, все-таки выпил коньяк, недовольно оглядел нас всех:

— Я к себе.

— Погодите... — остановила я его. — Вы сегодня обедали?

— Что? — удивился он. Да и все остальные все посмотрели на меня с изумлением.

— Пирожки еще есть. Мы с мамой их наделали в промышленном масштабе. Мама еще борщ варила. Будете?

— Буду, — улыбнулся он.

— Сейчас все разогрею. А потом отправитесь на совещание.

— Слушаюсь, миледи, — насмешливо протянул Фредерик.

Я быстро накрыла на стол, покормила всех. Император удалился. Луиза и Денис ушли в папин кабинет — им было о чем поговорить. Я стала собирать посуду со стола, когда поняла, что плачу.

— Что случилось? — подошел ко мне милорд Милфорд.

— Не обращайтесь внимания, — я зло вытерла глаза. — Это пьяные слезы. Ничего. Переживу.

— Я могу чем-то помочь?

— Зачем это вам, милорд? Мы уже все сегодня выяснили про то, кто кому друг. Кроме

того, я думаю, что не в состоянии буду заниматься. Поэтому если можно, давайте встретимся завтра. Я как раз приду в себя.

Странно, но милорд Милфорд не разгневался.

— Вы правы в своих упреках, — склонил он голову.

— Мне не за что вас упрекать, — отрезала я. — Как и тех, кто сегодняшнюю ситуацию извратит точно так же, как и вы с Ричардом.

— Что вы имеете в виду?

— Я ворвалась на совещание кабинета министров. Его величество после этого исчез из дворца на несколько часов. И всем все понятно. И где мы были, и чем занимались. Как и в отношении тех нескольких дней, когда он не выходил из моей спальни.

— Почему вы сегодня сказали, что я вам не друг? — спросил милорд Милфорд внезапно.

— А вас это задело? — прошипела я.

— Вы, когда выпьете, становитесь агрессивны?

— Нет. Просто хорошее воспитание отключается, и я перехожу на разговоры по душам. Прямым текстом. Еще позволяю себе пьяные слезы. И жалость к себе. Впрочем, вы уже в курсе.

— Простите меня, миледи Вероника. Я был не прав, — поклонился он.

— Друзья — это те, кто верят. Вопреки всему. Несмотря ни на что, — прошептала я. — А в отношении вас... Да и Ричарда тоже. Можно сделать вывод, что друзьями мы не стали.

— Я никогда не видел его таким счастливым, — прошептал Милфорд. — Надо было догадаться, что все эти слухи — бред.

— А вы тоже не верите, что в Империи готовится переворот? — сменила я тему разговора.

— Надо проверять, — скривился Милфорд.

— Такое впечатление, что меня одну это волнует.

— Может потому, что мы привыкли?

— Как это?

— Вы же не думаете, что это все — первая попытка... И не первая, и не последняя. Но в этот раз все немного по-другому.

— Почему?

— У Рэ появилась привязанность. По ней и ударили, чтобы его нейтрализовать.

— Вот и прекрасно. Нет привязанности — нет слабых мест. Так что скоро все наладится — фыркнула я.

— Как мне заслужить ваше прощение?

— Зачем вам это?

— У меня, как у контрразведчика, совести быть не должно. И личных симпатий. Одна целесообразность. Только материал, с которым работают. Но в вашем случае этот принцип почему-то не работает. К тому же мне хочется стать вам другом.

— Я вытерла руки полотенцем и резко развернулась к нему. Давайте попробуем, — протянула ему руку.

— В вашей Вселенной все-таки странные манеры, — проворчал он, с осторожностью пожимая мне кончики пальцев.

— Ах, вам еще и не нравится! — возмутилась я.

— Что вы... — рассмеялся он.

На этом мы и распрощались, договорившись, что он прибудет завтра. Милфорд Милфорд пообещал выделить два часа в день по утрам, чтобы заниматься со мной. Контрразведка контрразведкой, а приказ Императора должен быть выполнен.

Потом — завертелось. Приехали мама с мальчиками. Познакомили маму с Луизой. Я шепнула Паше, что вопрос с баронессой разрешился и им с сыном не придется скрываться. Потом прибыл целитель Ирвин, чтобы заняться Феликсом. Мы с мамой отправились готовить ужин на всю ораву. К моему удивлению, Луиза ринулась нам помогать. Паша рассказывал Денису как круто в Империи. Только дисциплина в Академии — гадость полная. Риторика — отстой. А так классно. По-моему, только послушав сына, Денис смог поверить, что все это ему не померещилось. И что император — не сумасшедший ролевик, которому все подыгрывают по каким-то причинам.

— Милорды, значит, — проворчал он.

— И миледи, — мы переглянулись с Луизой, улыбнулись.

Луизе все-таки было легче, она — маг, и существование параллельных миров для нее — истина. Денису же пришлось стереть стереотипы в своем сознании. За один вечер. Завтра он проснется — и снова будет бороться с собой. Я знала, как это тяжело и порадовалась, что коньяк оказался под рукой в достаточном количестве.

— Баронесса, значит, — при взгляде на Луизу у него полыхнули глаза.

— Прости, что не говорила правду, — прошептала она.

— Ничего, — хрипло проговорил он.

И я, скрыв усмешку, подумала, что у Луизы в скором времени будут все шансы получить прощение за свою скрытность.

— Вероника. Спасибо вам Вы второй раз спасаете меня, — перевела она взгляд на меня.

— Пожалуй, нам надо домой, — решил Денис.

— Может, останетесь. Ты же выпил, — попыталась я остановить его. — Не надо за руль.

— Я построю портал, — быстро сказала Луиза. И я рассмеялась, осознав, что это уже никого в доме не удивило.

— За машиной я приеду завтра, — уточнил мой бывший студент. — Только еще не знаю, когда. Служба. Заодно и твою подгоню.

— Кстати, где она?

— В лес загнал — как и обещал.

— Бедный мой пыжик! Как ему там страшно...

— Страшно становится мне, когда представляю, как оттуда выковыривать машину.

— Денис... О машинах. Сколько я тебе должна за уничтоженную ауди?

— Просто живи, — обнял он меня.

— Прекрати, — попросила я. — Она же денег стоит. Мне вот поместье все-таки всучили. Так что меня это не напряжет.

— Барыня, — рассмеялся он. — Крепостными еще не обзавелась?

— Денис, — возмутилась я.

— Ладно, разберемся.

И они стали собираться.

— А ужин? — всплеснула руками мама, осознав, что двое гостей уходят голодными.

Но Денис и Луиза уже исчезли.

— Так и не спросила, как они познакомились, — огорчилась я.

Первая легкость после коньяка ушла, и стало понятно, что все-таки перебрала. Поэтому отправилась спать пораньше. Спать! Но стоило закрыть глаза, как я оказалась в лесу. Ночь. Костер. Милорд Верд...

— Зачем ты приходишь? — спросил Ричард, избегая смотреть в глаза.

— Поиздеваться над собой, не иначе, — злобно отвечала я. Ведь хотела просто поспать.

Что ж такое!

— Над собой?! — прорычал мужчина.

— Все-таки хорошо, что это сон, — проворчала я, усаживаясь у костра и уставившись в огонь.

— Ты считаешь, что это сон?

— А что еще...

— Тогда что же у тебя в реальности?

— Я напилась. Денис теперь с Луизой, представляешь. Император помиловал ее. Милфорд просил прощения. Ирвин лечит Феликса. А я пошла спать.

— Кто такой Феликс?

— Еще один мой приемный сын.

— И сколько у тебя детей все-таки?

— Теперь трое.

— И что потребовал император за прощение преступницы?

— Поговорить с тобой, когда ты об этом попросишь.

Ричард нахмурился.

— Я могу считать, что выполнила уговор с его величеством? — спросила у него.

— Нет, — улыбнулся он. — Я не хочу с тобой разговаривать.

— Чего же ты хочешь?

— Прочитай мне стихотворение. Как тогда. В поместье.

— Странный ты, Ричард... Говорить не хочешь, а стихи слушать... Ладно.

Я устала в огонь костра. Подумала. Вспомнила. И слова понеслись сквозь сумрачный печальный лес, поднимаясь все выше и выше... К звездам, наверное:

И ветер, и дождик, и мгла
Над холодной пустыней воды.
Здесь жизнь до весны умерла,
До весны опустели сады.
Я на даче один. Мне темно
За мольбертом, и дует в окно.

Вчера ты была у меня,
Но тебе уж тоскливо со мной.
Под вечер ненастного дня
Ты мне стала казаться женой...
Что ж, прощай! Как-нибудь до весны
Проживу и один — без жены...

Сегодня идут без конца
Те же тучи — гряда за грядой.

Твой след под дождем у крыльца
Расплылся, налился водой.
И мне больно глядеть одному
В предвечернюю серую тьму.

Мне крикнуть хотелось вослед:
«Воротись, я сроднился с тобой!»
Но для женщины прошлого нет:
Разлюбила — и стал ей чужой.
Что ж! Камин затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить. [□](#)

— Ты разлюбила? — вдруг спросил он.

— А ты? — сил смотреть на него не было.

— Нет, — в голосе у него были разлиты удивление и горечь. — Я понимаю, что ты свой выбор сделала. Что ты — уже не моя. Но разлюбить... Нет. Я не могу.

— Дурак... Какой же ты дурак, Ричард!

— Потому что мучаюсь из-за женщины, которая выбрала не меня?

— Потому что тебе сказали чушь, а ты поверил.

— Что же ты чувствуешь ко мне? — я поймала на себе взгляд черных глаз.

— Обиду, — прошептала я. — Жгучую, невыносимую.

— И у тебя был повод?

— Ты издеваешься? — я вскочила, подошла к нему вплотную. — Ты оскорбил меня. Грозился убить. И, самое главное, я до сих пор не знаю...

Я развернулась, чтобы уйти.

— Что ты не знаешь? — Ричард хватает меня за руку. Всего одно легкое движение — и он оказывается рядом. Близко. Близко-близко...

— Тогда, во время нашего разговора ты сказал, что не допустишь появления ублюдка, — я уставилась в его глаза. — Скажи мне... Я была беременна — и ты что-то сделал, чтобы нашего ребенка не было?

Чернота глаз запылилась алым.

— Ты не смеешь меня так оскорблять, — прошипел он, сжимая мои плечи. — Слышишь, не смеешь...

— Просто ответь, — я закрыла глаза, чтобы остановить слезы.

— Ты не была беременна, — проскрежетал он.

— А если бы... Я ждала ребенка?

— Даже умирая от ревности, когда все мое существо требовало мщения... Требовало уничтожить ту, что изменила... Я ничего бы тебе не сделал. Тем более, я не причинил бы вред своему ребенку. И уж тем более ребенку моего отца.

— Значит, мне стоит родить ребенка твоему отцу? А ты, как самый преданный подданный империи Тигвердов, будешь ликовать?! Как вы там кричите: «Бра-бра-бра!»

Я вырвалась. И изо всех сил ударила его по лицу.

— Ты спрашиваешь, люблю ли я тебя? — закричала я. — Нет! Я тебя ненавижу! Как же я тебя ненавижу...

И бросилась прочь от костра.

Он не стал меня останавливать. Ветерок принес мне вслед горький смех:

— Хорошо бы собаку купить...

Я проснулась вся разбитая, как будто и правда всю ночь по бурелому в незнакомом лесу шаталась. Засунула себя в душ, приговаривая: «Надо меньше пить! Пить надо меньше!!!»

Спустилась вниз, обнаружила, что родители собираются по магазинам, запастись продуктами. Пашка с самого утра унесся к Рэму. Сегодня как раз была суббота, и сын очень надеялся вернуться домой с юным герцогом.

— Как дела? — спросила я у Феликса.

— Как вы думаете, я действительно буду ходить?

Первая эйфория прошла, и у мальчика появился страх. Я представила себе, как холодный липкий туман, медленно убивая надежду, поднимается по бесчувственным ногам к сердцу моего сына. Не отдам! Сверкнул жемчужной ртутью браслет на горячем запястье, перед глазами вспыхнуло.

— Феликс, Ирвин — прекрасный специалист, а магическая медицина империи реально творит чудеса.

— Страшно поверить, — прошептал он.

— Не то слово. Верить во что-то вообще очень страшно, — согласилась я с ним.

— А если...

— Послушай. Если ты сейчас нафантазируешь всякий страх, то Ирвину придется сражаться не только с твоей болезнью, но и со всякой фигней, в которую ты согласишься. Давай немного поможем твоему целителю?

— Каким образом?

— Ты будешь повторять каждый день, засыпая и просыпаясь: «Я буду ходить!» Никаких сомнений. Никаких «а если...». Слова, в которые ты веришь творят чудеса без всякой магии. Плюс — настоящая магия, — и мы победим!

— Вы думаете?

— Я уверена в этом.

— Мама! — раздался голос Паши у меня за спиной. — Посмотри, кого я привел.

— Рэм, мальчик мой! — я обняла сына. Еще одного.

— Миледи Вероника, — смутился он. — Я очень рад видеть вас.

И юный герцог церемонно поцеловал мне руку.

Я потрепала его по голове.

— Как ты?

— Без Пауля скучно. Маркиз Борнмут теперь не цепляется. Остается только учеба. А это уже не так интересно!

— Печалька! — согласился Паша. — А теперь позволь представить тебе еще одного члена нашей семьи — Феликса.

Я успела заметить в глазах у новоприобретенного сына дикую, беспросветную тоску. Но мальчик быстро взял себя в руки. И с улыбкой протянул руку нашему герцогу.

— Рэм. Очень приятно, — ответил тот.

— Ника! — в гостиную вошли мама и папа. — Представь нам молодого человека.

— Здравствуйте, — вышел вперед наследник престола. — Я — Геральд Аден Моэ герцог Реймский. И я обязан вашей дочери и ее сыну жизнью. Моя мать — герцогиня Реймская, зачаровала вас и обрекла на страдания. Я готов служить вам до тех пор, пока не искуплю

вину.

И он склонил голову.

— Ничего, — мама подошла к нему и погладила по голове. — Все это мы уже пережили.

И — в любом случае — ты не виноват.

— Можно исправить все, кроме смерти, — серьезно проговорил мой отец, подходя к Рэму поближе. — И раз твоя мать пошла на такие меры, думаю, что она была близко.

— Спасибо вам, — в глазах у Рэма блеснули слезы. А отец протянул ему руку:

— Евгений Николаевич.

— Очень приятно, — склонил голову юный герцог. И руку пожал.

— Маргарита Дмитриевна, — представилась и мама.

А я подумала — сколько же пережил Рэм за это время! И попытку дворцового переворота, и гибель отца, и разлуку с матерью. Скитания. Выматывающую тревогу. Но он никогда не жаловался, не ныл, не страдал. Все время демонстрировал редкое — даже для взрослого — присутствие духа. Защищал мою честь, честь Пауля...

Я подошла к нему и обняла.

— Все будет хорошо, — прошептала ему в макушку.

— Мам, мы на улице, — быстро сказал Паша.

Он схватил за рукав Рэма, следом они подхватили коляску Феликса — и унеслись.

— Вы хоть оденьтесь!!! — крикнула я им вслед.

Вскоре ушли родители — и я осталась одна. Как я думала.

— Вы хорошо управляетесь с сыновьями, — донесся до меня голос милорда Милфорда.

— Вы давно здесь?

— Достаточно.

— Начнем?

— Чуть позже. У меня приказ его величества доставить вас в империю.

— Доставляйте, — равнодушно согласилась я.

— В обычной одежде.

Я осмотрела себя — джинсы, свитер. Что может быть обычнее? Вопросительно уставилась на милорда Милфорда.

— Обычная для империи, — пояснил он.

— Аааа, — сообразила я. — Но вам придется подождать, пока я переоденусь.

— Конечно.

Какой-то начальник контрразведки сегодня безропотный, прямо загляденье.

Где там мой саквояж — представлю-ка я платье, которое мне нравилось — синее. Спустя какое-то время я спустилась вниз, уверенная в том, что мой внешний вид не шокирует имперцев и не развеселит императора.

— У вас прическа не правильная, — внимательно оглядел меня Милфорд.

— С чего вдруг? — обиделась я. Я так старалась, укладывала, со шпильками возилась. И вообще, с тех пор как Рэм в экстренном порядке отрастил мне волосы, потому что в империи, видите ли, женщины с короткими волосами не ходят, жизнь моя весьма и весьма осложнилась.

— Вы — графиня, не служанка. Вам не положено косы заплетать. Нужно, чтобы были локоны, — безапелляционно заявил мужчина.

— А кому смотреть противно — тот пускай и не глядит, — не согласилась я с ним. — И вообще — как вы себе это представляете. Вот как я вам быстренько локоны организовывать

буду? И главное — для чего? Думаете, это изменит тот факт, что я трудилась экономкой? И кстати, ваши аристократы об этом знают.

— А платье почему синее?

— Нравится мне, — огрызнулась я. Вот что он пристал?

— Допустим, — недовольно скривился милорд Милфорд. — Поднимитесь к себе и наденьте самый теплый плащ, который у вас есть. Шляпку и перчатки не забудьте.

— И что теперь? — поинтересовалась я, когда вернулась.

— А теперь выстраивайте портал — как вы делали это вчера. Опять сосредоточьтесь на том, что вам нужно увидеть его величество — он будет вашим маяком.

— Вы так говорите, милорд, будто я понимаю, что я вчера сделала и как оказалась во дворце.

— Сегодня вам во дворце оказываться не надо. Императора там нет. Сосредоточьтесь. И прикажите. У вас получится.

Да щас! Или я сегодня решила, что у меня не получится, или перстень, с помощью которого я переносилась, заупрямился. И если вчера он унес меня из моей Вселенной, чтобы доставить к императору Фредерику, и особо не напрягаясь, пробил охранный периметр дворца, то сегодня... Похоже, сегодня он попросту глумился. Или мстил мне за сон, в котором я хлестнула Ричарда по лицу.

Прошло полчаса. Как я ни старалась — все равно оставалась посредине гостиной, ощущая себя глупо. Только еще и голова разболелась. И я взмокла.

— Миледи Вероника! — проявлял чудеса терпения Милфорд. — Я сказал сосредоточиться, а не злиться. Спокойнее. Все равно это сделать придется. А потом еще и еще — до автоматизма. Потому что в случае опасности надо уметь выстраивать портал автоматически..

— Так я согласна, только перстень меня не слушается.

— Миледи! Он не может вас слушаться или нет! Это же неодушевленный артефакт. Конечно, мощный. Но...не живой. Поэтому. Давайте еще раз — сосредоточьтесь. Захотите сами. А перстнем воспользуйтесь, чтобы зачерпнуть силы — у вас самой ее практически нет.

Что бы там не говорил Милфорд, а перстень обиделся... Вот я это почувствовала, честное слово! А еще через мгновение нас куда-то понесло. Обоих.

— Где мы? — обреченно спросил начальник контрразведки.

— Это то место, которое мне часто снится.

Мы очутились в лесу, где ночью у костра в моем сне обычно сидел Ричард. Надо же, это место действительно существует. Только нет костра — есть пепелище. И милорда Верда возле него нет. Но это хорошо.

— А что мы тут делаем? — между тем огляделся вокруг милорд Милфорд.

— Понятия не имею, — честно ответила я.

— Как вы это сделали?

Я осуждающе посмотрела на него...

Он только тяжело вздохнул — и мы с ним куда-то перенеслись.

— Завтра продолжим, — сообщил он мне. — Я вас все равно научу!

Я открыла глаза. Холодно-то как. Ветер попытался сорвать с меня плащ — у него не получилось, и он, злобно взвывая, забрался под одежду. Бр-р-р!

Тут же пожалела, что не забила на приличия и имперскую моду. Надо было натянуть

старенький родной пуховик. А что? Император его видел — видел. Одобрил? Ну... Будем считать, что одобрил. Так что нечего голову морочить!

— Простите, что перебросил вас перед замком, — проговорил милорд Милофорд. — Мне, как и всем остальным, не положено попадать порталом внутрь. На это имеют право лишь признанные члены императорского дома. Если бы вы построили портал сами, то перенеслись бы вовнутрь. Пойдемте скорее, а то вы замерзнете.

Но я как замороженная смотрела на серую громаду мрачного замка, что возвышался на утесе по-над самой кромкой необозримой водной глади.

— Где мы вообще? — с восторгом спросила я.

— Это — берег Ледяного моря. Замок Олден в Северной провинции. По приказу прадеда императора Фредерика, превращенный в тюрьму для государственных преступников.

— О как! И что нас сюда занесло?

— Приказ императора. Пойдемте уже, а?

— Замерзли? — насмешливо посмотрела на начальника контрразведки.

— Миледи Вероника!

— Замок — чудо как хорош! — продолжала восхищаться я. — А какая высота стен? А ширина?

— Не знаю! Я же не строитель!

Мы все-таки тронулись по направлению к зеву ворот, расположенных в высоченной башне. Преодолели подъемный мост, сейчас, правда, опущенный. Я остановилась полюбоваться на толстые цепи, на ров, на настороженных стражников.

— Красота!

Мы вошли во двор, где было много построек. Ходили люди, что-то красили рабочие.

Но мое внимание привлекла главная башня замка. Донжон. Гордый, величавый, устремленный прямо в свинцовое небо.

— Оооо!!! — только и сказала я.

Милорд Милфорд, осознав, что сейчас пойдет следующий поток вопросов и восторгов, картинно застонал.

— Я достану вам всю документацию по постройке этого замка и отдам, — пообещал он мне. — Там все будет про ширину, высоту, глубину и историю. Пойдемте!

— Договорились, — кивнула я.

И мы уже направились к башне, как вдруг один из рабочих, старательно водящий валиком по стене одной из построек, неожиданно распрямился и отвесил нам изящнейший поклон.

— Добрый день, миледи Вероника. Добрый день, милорд Милфорд.

— Ваше высочество! — обалдела я. — Это вы?

— Именно так, — улыбнулся нам принц Брэндон Тигверд.

— А почему вы красите?

— Казарму? Так получилось.

— Меньше светских бесед — больше титанического труда во славу империи, — раздался недовольный голос императора. — Граф Тробриндж, вас это тоже касается! Равно как и всех членов вашей боевой пятерки.

Я присмотрелась — действительно, пять маляров, что белили стены зданий на пронизывающем северном ветру — это были кадеты военной академии последнего, десятого

курса, известные мне по их обедам у милорда Верда. Теперь же они осваивали новую профессию.

— И как это вас угораздило? — тихонько спросила я у наследного принца.

Он неопределенно пожал плечами и старательно сосредоточился на стене, малярном валике и ведре с белилами.

— Драка, — наябедничал мне император. — Да еще и между членами боевой пятерки.

— Да что вы? — поразила я.

— Принц и граф что-то не поделили. Что именно — молчат.

Принц недовольно запыхтел. Но промолчал.

— Но ничего. Совместный облагораживающий труд, укрепляющая нервную систему прохлада, полезная диета в виде хлеба и воды и, конечно же, полезный сон в свободных камерах замка... Я думаю, все эти мероприятия приведут к тому, что милорды опять найдут общий язык. Не так ли, ваше высочество?

— Служу империи, — меланхолично отозвался принц, не прекращая елозить валиком по стене.

— Будьте любезны, передайте коменданту крепости, что я увеличил срок вашего пребывания в крепости еще на сутки.

— Да за что? — тут уж наследник вскочил.

— Вы не выразили достаточно энтузиазма, когда выражали готовность служить империи, — отозвался его отец.

— Служу империи, — проорал принц, вытянувшись в струнку.

— Вот так-то лучше! — одобрительно кивнул император. — Миледи Вероника. Милорд Милфорд. Пойдемте.

— А почему наказание отработывают пять человек, если подрались принц Брэндон и граф Тробриндж? — поинтересовалась я, пока мы шли по направлению к донжону.

Милорд Милфорд едва слышно усмехнулся моему вопросу — видимо он-то, как человек, закончивший военную академию, ответ на него знал.

Его величество тоже удивился:

— Конечно же, все вместе — это же боевая пятерка. Вот у вас же, Эдвард, было так же?

— Конечно, ваше величество, — поклонился начальник контрразведки. — Мы все делили на пятерых. Жаль только, что...

И милорд Милфорд замолчал.

— Вы правы, вы правы, — грустно ответил император, сразу поняв, что имел в виду его подданный.

— Боевая пятерка, говорите... — протянула я. — Милорд Верд, милорд Милфорд. А кто еще трое?

— Милорд Гилмор — это один из заместителей Рэ, — пояснил мне друг Ричарда, который упорно называл его материнской фамилией.

— Еще один погиб в первой же боевой операции. А другой — в прошлом году, — печально откликнулся император.

— Как жаль, — тихо отозвалась я.

Мы вошли в башню через дверь, которая была настолько низенькой, что даже мне пришлось согнуться в три погибели. Что тут говорить о мужчинах, которые были высокого роста.

— Уф, — сказал император, когда мы оказались внутри. — Каждый раз собираюсь

распорядиться, чтобы прислали рабочих и разобрали несколько рядов камней. Сколько можно! Пусть уже сделают нормальную дверь. Вряд ли кто-то будет штурмовать эту крепость, а уж тем более доберется к последнему рубежу обороны.

— Да! — я была в полном восторге. — Это же было сделано специально, чтобы нападающие — если они прорвутся, вламывались по одному. И согнувшись.

— Именно, — согласился со мной император. — А тут, обратите внимание, специальные ниши, чтобы рубить слева и справа. Кстати, ставили воинов, которые хорошо обращались с боевыми топорами.

— Так одному не с руки, — огляделась я. Встала на место обороняющегося, прикинула. Замахнулась. — Ему же рубить с левой руки.

— Как-то справлялись, — пожал широченными плечами император. И я почему-то представила именно его, сжавшим боевой топор.

— А на галерею еще и лучников, — поддержал наш разговор Милфорд.

— Кстати, этот замок ни разу не был взят неприятелем, — гордо сказал император.

Мы пересекли зал с огромным камином, земляным утрамбованным полом, прошли под галереей. Дежурившие солдаты при виде императора взяли на караул и распахнули одну из дверей. Уже нормальной высоты.

Мы зашли — и оказались в скромно обставленном кабинете. Самый обычный письменный стол, стулья, кожаный диван, камин. Светлые занавески. Ничего лишнего. И ничего необычного. Даже развешенных боевых топоров на стенах не оказалось. Канцелярщина.

— Что-то вы долго добирались. Сколько надо времени, чтобы выстроить портал? — проворчал император, усаживаясь за стол. И позволительно кивая нам. Я выбрала диванчик, милорд Милфорд опустил на стул напротив повелителя.

— По вашему приказу я обучал миледи Веронику, — вздохнул начальник контрразведки. — Вы же приказали, чтобы я добился того, чтобы портал выстроила именно она.

— И как успехи? — насмешливо спросил император. — Хотя, судя по тому, что заходили вы через мост, а не перенеслись сразу в кабинет, где я вас ждал...

И тут же озабоченно спросил у меня:

— Вы не замерзли?

— Нет, — ответила я. Подумала, развязала ленты плаща и скинула его. Еще подумала — и присоединила к этому всему шляпку и перчатки.

— Миледи может простыть, — сдал меня Милфорд. — Ветер очень сильный.

Император позвонил в колокольчик. Зашел караульный.

— Распорядитесь принести миледи средство от простуды, — распорядился император.

— Слушаюсь! — старательно рявкнул солдат.

— И пригласите к нам коменданта.

Не прошло и пяти минут, как мне подали что-то в глиняной кружке, сбитое в пену. Горячее. Подавал мне его лично комендант — кругленький, лысенький дядечка весьма почтенного возраста.

Я сделала большой глоток. Посмотрела удивленно на коменданта. В напитке было молоко. И мед — не спорю. И даже какие-то травы. Но больше в нем было крепкого алкоголя.

— Колониальный грог! — гордо пояснил мне мужчина. — Лучшее средство от

простуды. Моряки делают с чаем, но меня научили — с молоком лучше. Не сомневайтесь. И ром в напитке исключительный, с острова Максимилиана — у меня там одна из дочерей — замуж вышла за лейтенанта. А сейчас он. Оооо! Вице-губернатор.

— Ром! — недовольно посмотрел на него император.

— А надо было что-нибудь покрепче? — обеспокоено спросил у меня комендант.

— Нет-нет. Я допила приятный напиток. Тепло разлилось по телу.

— Думаю, мы можем приступать, — распорядился император. Комендант подобрался, поднялся и вышел.

— Вы не смеее так поступать со мной! Все, что я сделала — я сделала во имя любви!

Где-то я уже слышала этот мерзкий голос... Я вздрогнула и с ужасом осознала, что отключилась, видимо, на пару минут. Ром был хорош!

На каменном полу босиком стояла женщина, капризно вздернув подбородок. Голубые глаза горели негодованием и презрением. Несмотря на тюремное рубище и свалявшиеся, потускневшие от отсутствия надлежащего ухода растрепанные волосы, посадка головы была точно такая же, как во время нашей встречи в поместье милорда Верда...

Графиня Олмри. Высокомерная аристократка, бывшая любовница Ричарда Фредерика Рэ, принца Тигверда... Вспоминать не хотелось, но я была совершенно не в силах контролировать непрощенные образы. Сладкий запах духов, хитро уложенные блестящие локоны, россыпь жемчужин между ними. Расшитый драгоценными камнями лиф платья — было на ней в тот день что-то роскошно-изумрудное и очень дорогое. Розовые пальчики, перстни, и золотые ногти — видимо, какая-то местная магия.

Сейчас от всего этого великолепия не осталось и следа... Ни одного украшения, грязь под отросшими обломанными ногтями, синяки на запястьях и щиколотках. Я вспомнила собственный опыт, и тошнота подкатила к горлу... Поймала на себе осуждающий взгляд императора и постепенно вернулась к реальности.

Арестованная по-прежнему стояла посредине кабинета, куда ее ввели солдаты, и надменно молчала.

— Вот смотрю я на вас — и не знаю, чему больше поражаться — вашей собственной глупости или идиотизму моего сына... — задумчиво протянул император.

— Я все сказала, мне больше нечего добавить, ваше величество. — патетично повторяла графиня, — все, что я сделала, я...

— Нет, это не возможно, — закатил глаза император и позвонил в колокольчик.

— Ваше величество!

— Уведите, — распорядился император. — И вызовите главу рода Олмри.

Он покосился на меня, проглотив явно неприличное слово.

Графиню вывели.

— А что вообще происходит? — осторожно спросила я. Удивилась, насколько тихий и хриплый у меня голос.

— Вероника... — было видно, что Фредерик беспокоится за меня, но видимо император решил, что происходящее в данный момент важнее. Я почувствовала его настроение и попыталась взять себя в руки. — Вы не поняли, кто затеял интригу с кристаллом!? — этот вопрос мужчина просто прорычал.

— Что?!

Кабинет замка исчез. Я стояла перед огромным массивным зеркалом в золоченой раме, смотрела в него и ничего не понимала. Изображение пугало... Расшнурованный наполовину корсет, распущенные волосы, кривая, жадная ухмылка алых губ. И вдруг отражение изменилось. В черноте магического зеркала стояла уже не я, а графиня в тюремной робе, с искаженным злобой и болью лицом. Злой, отчаянный смех из зазеркалья... В нем одновременно читалось и торжество, и отчаяние, подкрепленные слепой, неконтролируемой ненавистью. Сначала я думала, что трясущейся от смеха рукой с вытянутым вперед грязным

пальцем она указывает на меня, но быстро поняла, что горящие безумием глаза устремлены куда-то ... Я резко обернулась и закричала — за моей спиной, вторя графине, хохотал император... Его образ таял, приобретая совершенно другие черты.

— Нет! Это не я! Это не он! Ричард! — мой крик утонул в темноте.

— Не лучшая моя идея, — услышала я голос Фредерика. Он доносился, как сквозь вату. — Думал, показать вам, что я такое не оставлю безнаказанным. И доказать, что сын не виноват. Вероника...

Он опустил передо мной на колени и взял мои руки.

— Ледяные... Вероника, послать за Ирвином?

— Нет. Мне нужно знать, — я постаралась — и мой голос звучал почти спокойно.

Только руки предательски тряслись.

— Хорошо. Давайте продолжим. Император поднялся — и уселся рядом со мной.

Следующим в кабинет завели мужчину. Одет обычно, но было видно, что белье не менялось несколько дней. Он был так же измучен, как графиня. Но в серо-голубых глазах не было ни злости, ни высокомерия — только достоинство. И готовность принять с честью все, что будет угодно повелителю.

— Ваше величество, — аристократ...опустился на колени.

— Хоть вы понимаете, насколько тяжела вина вашего рода перед Империей?

— Да, ваше величество.

— И вы не будете оправдываться? Не скажете, что Глория Олмри — вам лишь невестка? А ваш старший сын, который имел несчастье быть женатым на ней, — погиб, выполняя приказ? Не вспомните, что ваш младший отпрыск — гордость академии и надежда всей магической науки? Что ему только семнадцать?!

— Ваше величество и так об этом знает. Мне остается лишь дождаться справедливого приговора.

Император в раздражении поднялся.

— Вы понимаете, что невеста моего сына не погибла лишь... чудом?

— Да, ваше величество. Мне и моему роду нет оправдания. Я обязан был контролировать все поступки младших рода. Это моя вина и я готов понести наказание.

Император вздрогнул.

— И что теперь? — проскрежетал он. — Графиня голосит, что она — жертва любовной страсти, которой она воспылала к принцу Тигверду. Ваш младший сын молит о возможности искупить. Твердит, что это был розыгрыш. Просто неудачная шутка. И слава стихиям, не заикается о своей неземной любви к Глории. Вы просите о правосудии. А вот что делать мне? Я даже не знаю, где мой сын!

Фредерик вскочил и в раздражении прошел по кабинету. Потом остановился перед коленопреклоненным аристократом.

— Бывшую графиню Олмри я прикажу лишить магии и сослать в колонии. С лишением дворянского титула. Она должна будет выйти замуж в самый короткий срок. Кто согласится на ней жениться — пускай и жениться. Только это будет человек без титула. Фермер. Свинопас. Проследите за этим. Чтобы все исполнили в точности. Теперь. Ваш младший сын...

Аристократ почему-то пристально посмотрел на меня, потом отвел взгляд — и замер. Император думал. Потом проговорил:

— Пять лет рудников. Но в качестве горного инженера. При условии героического труда

— без поражения в правах. Ему кажется нравится экспериментировать с магическими свойствами драгоценных камней? Вот пусть и займется этим. И заодно улучшит их добычу на рудниках. Что касается вины рода Олмри перед моей семьей... Я требую, чтобы вы немедленно вернулись на пост министра финансов. Таков мой приговор.

Доставил меня домой Фредерик Тигверд лично. Радостным возгласом его величество поприветствовал Пашка — видно было, что после моего спасения сын привязался к императору. Рэм поклонился. И смущенно склонил голову Феликс.

— Как у вас хорошо, — прошептал повелитель империи.

— Оставайтесь на ужин, — предложила мама.

Я быстро поела, извинилась — и пошла спать. Ноги подкашивались, руки тряслись, даже на душ сил не было.

Только голова коснулась подушки — я исчезла. Все исчезло. Лишь запах горьких трав, свежей земли и тумана. Чем пахнет туман? Не знаю... Наверное, магией. Магией, что подарила мне жизнь. Мне и Пашке. Голос, который я не забуду никогда — пел... колыбельную. На незнакомом, но очень мелодичном языке — не имперском. Я увидела длинные пальцы, сжимающие прозрачный шар. Внутри него спал Рэм...

Герцогиня Реймская пела колыбельную своему единственному сыну, и лицо ее светилось болью и нежностью... Я тихо стояла, стараясь не мешать. Последняя фраза стихла, герцогиня подняла на меня глаза.

— Миледи, — поприветствовала она, склонив голову. — Добрый вечер.

Я привычно поморщилась.

— Добрый. Но я — не миледи. Я не дочь лорда и не жена лорда.

— Почему это для вас так важно?

— Мои предки — пахали землю, добывали уголь. Лечили. Защищали родину. Но на скользком придворном паркете не отметился ни один. И я — только их потомок. И горжусь ими.

Герцогиня грустно улыбнулась, аккуратно поставила шар на изящную кованую подставку, под которой тлели травы, источая тот самый горьковатый аромат.

— Знаете, по гордости и благородству вы можете дать фору любому вельможе — что в герцогстве Реймском, что в империи Тигвердов.

— Тем не менее.

— И как мне вас называть?

— Вероникой.

— Зовите и вы меня по имени — Дарина.

— Очень приятно, — улыбнулась я.

— Вероника... вы не злитесь на меня? Я не чувствую гнева...

— Вы спасали своего ребенка. И я не могу осуждать вас. В подобной ситуации я бы, наверное, сделала то же самое.

— Да нет же! — герцогиня Реймская вскочила, перехваченные тонким ремешком волосы от резкого движения рассыпались по плечам, сверкнули медью. В карих глазах золотыми искорками отразилось пламя свечей, которыми была уставлена комната. — Я это сделала не для того, чтобы укрыть вас. Никто так и не смог понять, где вы — идея укрыться в Империи оправдала себя.

— Тогда — зачем?

— Преследователи герцога потеряли терпение. Они решили узнать, где вы

скрываетесь... Они решили узнать это у ваших родителей, Вероника! — Дарина печально улыбнулась. Самое логичное и простое предположение — ваши родители вас и укрывают.

Вот тут мне стало нехорошо. Я представила себе — как убийцы врываются в наш дом. Беззащитных отца и мать.

— Спасибо вам, — прошептала я. — Вы их спасли!

— Мне жаль, что такими зверскими методами, — покачала головой герцогиня. — Я прокручивала ситуацию по-разному... По-другому не выходило. Ваши родители должны были поверить в то, что вы погибли. Паша — дома. Следовательно, вы не можете быть причастной к спасению наследника Реймского герцогства.

— Я понимаю.

— Да... Жаль только, что этого не понимает Герольд.

— Кто? — удивилась я.

— Мой сын.

— Простите, — рассмеялась я. — Как-то привыкла, что он — Рэм.

— Рэм, — тяжело вздохнула она — мне стало понятно вдруг, как женщина устала, как измучена. — Старое детское прозвище.

Герцогиня замолчала, задумалась. Потом проговорила:

— Мой сын отказывается со мной общаться. Удивительно, но академия пошла ему на пользу. У него никогда не получалось выстраивать такие сильные защитные щиты. Я пыталась пробиться. Почти в полную силу. Если использовать весь потенциал — он может этого не выдержать. Поэтому я ничего... Ничего не могу сделать...

— Я поговорю с ним.

— Не надо. Он — будущий повелитель своей земли. И уметь действовать сообразно здравому смыслу — его долг.

— Он четырнадцатилетний мальчик, которому сильно досталось в последнее время, — осторожно возразила я.

— Спасибо вам... — У меня никогда не получится стать ему просто матерью. Я рада, что вы смогли это сделать. И знайте... У вашего сына тоже есть вторая мать... — женщина встала, подошла к маленькому столику, на котором кроме свечей стояли шкатулки и сундучки разных размеров и форм. Она быстро стала открывать один за другим — травы, земля, какие-то порошки, камушки, — все это мелькало меж быстрых, легких пальцев и наконец, превратилось в... веревочку.

Ловко разорвав нить на две равные половинки пламенем свечи, что-то напевая про себя, Дарина вытянула левую руку перед собой. На среднем пальце сверкнул перстень. Я присмотрелась. Отполированный прямоугольник темно-коричневого камня в простой оправе. Мой помолвочный перстень выглядел богаче и изящнее, но камень имел ту же прямоугольную форму...

— Возьми — нараспев произнесла герцогиня, и ниточка исчезла. Будто змейка юркнула в кольцо, сверкнув на прощание янтарным облачком.

— Теперь вы — герцогиня потянулась к моему запястью.

Браслет на мгновение сверкнул. Дарина замерла, потом посмотрела на меня долгим, красноречивым взглядом, но не проронила ни слова. Занеся над жемчужиной вторую часть веревочки, маг долго тихо шепталась с браслетом. По руке разливалось приятное тепло, жемчуг на мгновение стал золотым, и в конце концов произошло то же самое — артефакт принял просьбу. Дарина взяла меня за руки и улыбнулась.

— Теперь мне будет проще защищать вас. Вероника, — герцогиня все еще сжимала мои ладони. Ее пальцы нащупали перстень, она подняла мою руку и внимательно уставилась на кольцо, которое последнее время меня совершенно не слушалось. Я поняла, о чем она думает. Перстни были похожи.

— Откуда он у вас? — карие глаза гипнотизировали...

— Это перстень Ричарда Тигверда. И пожалуйста, не мучайте меня расспросами. Я очень устала и хочу спать.

— Чкори...Занятно... будто про себя прошептала Дарина. Я оживилась. Спать расхотелось, усталость как рукой сняло. Чкори, чкори... Где же я это уже слышала...Я подняла на герцогиню жадный любопытный взгляд.

— Чкори? Кто это? Однажды император Тигверд, когда...

— Вероника, вы устали...Вам нужно поспать. Возвращайтесь — герцогиня говорила тихим, мягким голосом, — но противоречить ей было невозможно. Она читала меня, как открытую книгу. Я вспомнила Рэма. Как же ему было, наверное, тяжело...

— Рэм скучает, — сказала я. — И очень волнуется.

— Вы очень удачно укрылись. Даже я долго не могла поверить, что вы смогли попасть в дом имперского палача — и найти там укрытие, — холодно сменила тему герцогиня.

— Дарина! — тут уже возмутилась я. — Будьте любезны, не оскорбляйте при мне милорда Верда. В конце концов, мы ему обязаны. Он спас нас и принял мальчиков как родных.

— Простите. Но мне тяжело быть обязанной этому человеку. Быть обязанной империи...Тигвердов!

— Главное — все живы. А — как Ричард говорил Рэму — все остальное — это только гордыня.

— Возможно, — прошептала герцогиня, — и мне придется заплатить за свою гордыню. Но, с другой стороны, Рэм в безопасности — это главное.

— Может, вам стоит принять помощь Империи? Ричард говорил, что они не будут вводить войска на территорию герцогства. Думаю, император в силах устроить все таким образом, чтобы выглядело так, будто они и не вмешивались.

— Но я буду знать! — женщина зло сверкнула карими глазами, и янтарные искорки заплясали в глубине... К тому же — Фредерик Тигверд наверняка потребует платы за свою помощь.

— Думаю, с ним можно будет договориться — например, вы возьметесь обеспечить его гномьим самогоном. Пожизненно.

— Вы верите Тигвердам? — изумилась герцогиня.

— Да, — просто ответила я.

— Я вам завидую, — опустила глаза правительница.

— Слушайте, но ведь вы тоже различаете правду и ложь. Значит, можете...

— Я способна различать правду и ложь в том случае, — мягко прервала меня герцогиня, — если собеседник по магической силе слабее меня. Это не относится ни к Ричарду, ни к Фредерику Тигвердам. И дело...не только в этом.

— А если они предоставят вам доказательства?

— Вероника... Сильный маг верит лишь себе и своим ощущениям.

— Дарина... — быстро спросила я. — А если такого мага...заколдовали?

— Он не будет верить никому, пока не вернет свои способности.

И я проснулась. С чувством полной безысходности. Ричард никогда никому не поверит — никому, кроме себя...

[Купить полную версию книги](#)

notes

Автор стихотворения И. Бунин.